

[Polaris]

**БОРГУС
НИКОЛЬСЕН**

МАССЕНА

Советская авантюрно-фантастическая проза
1920-х гг.

Том XXVI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССВ

Salamandra P.V.V.

**Боргус
НИКОЛЬСЕН**

МАССЕНА

Фантастический роман

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг. Том XXVI

Salamandra P.V.V.

Никольсен Б.

Массена: Фантастический роман (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Т. XXVI). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 128 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCV).

Боргус Никольсен остается загадкой в истории советской фантастики. В 1924 и 1927 годах этот неизвестный писатель со «скандинавским» псевдонимом опубликовал авантюрно-фантастическую дилогию «Глориана» и «Массена» о невероятных приключениях американца Джека Швинда, укравшего аппарат невидимости — и после буквально растворился в воздухе, как и его герой. Теперь, в серии «Polaris», оба романа Боргуса Никольсена возвращаются к читателям.

МАССЕНА

Фантастический роман

Маленький сверток очутился в руке Джека.

— Что это такое, миссис?

— Пустяки, Джек! На память о больнице.

Добродушное, широкое лицо сестры милосердия стало еще шире и добродушнее, когда она произнесла эту фразу. Она положила ему руку на плечо и повела к выходу.

— Теперь поправляйтесь, Джек, и не поминайте нас лихом! Все ли вы захватили с собой? Портсигар? Перочинный ножик? Не потеряйте чемодан! Вы такой рассеянный!

— Спасибо за все, дорогая миссис!

И вот Джек опять на свободе!

За ним остаются полтора месяца больницы, темно-зеленый сад, белые тихие здания, светлая палата, доктора и сестры. За ним остается также вся его предшествующая жизнь, которую ему еще много раз придется вспоминать. Жизнь не очень длинная (Джек еще так молод), но такая необычная. Сам Джек, впрочем, убежден, что все предшествовавшее было лишь вступлением к чему-то очень важному, очень серьезному...

То, что он пережил, кажется ему теперь просто сновидением.

Джек шел сейчас по знакомой улице. Громадный шумный город снова захватил юношу в свои цепкие объятия. Знакомые уличные картины напоминали ему ту или иную сцену из недавнего минувшего...

Но, в конце концов, нужно было что-то предпринять, куда-то деваться, где-то устраиваться. Джек сейчас был опять одинок во всем мире. В больнице за ним ухаживали, как за ребенком: поили, кормили, укладывали спать, уговаривали ни о чем не беспокоиться и не думать. Но стоило Джеку выздороветь, как все это сразу оборвалось. Джек опять превратился в взрослого молодого человека. И больница мило улыбулась ему, сунула выхлопотанное для него у «Армии

Спасения»¹ небольшое пособие и сказала Джеку:

— А теперь, мистер Джек, постарайтесь найти себе работу!

Джек отошел в сторонку и пересчитал деньги, очутившиеся у него в руке во время прощанья с сестрой.

Тут было ровно десять долларов новенькими зелеными кредитками. Это был аванс от «Армии Спасения»: предполагалось, что Джек запродаст ей свою неверующую душу и обязался стать добрым христианином, то есть не употреблять некоторых рискованных выражений, не заниматься боксом, не ухаживать за красивыми девицами и, в виде развлечения, ходить в церковь и слушать завывание проповедников.

— Как бы не так! — ухмыльнулся Джек. — Дожидайся!

И, нимало не заботясь ни о каких «Армиях Спасения», он сунул деньги в карман, крепко сжал в руке чемодан, в котором заключалось все его имущество, и бодро пошел по улице куда глаза глядят.

Будь, что будет!

Было позднее сентябрьское утро. Нью-Йорк жил своей обычной дневной жизнью, полной звуков, криков и всякого человеческого и машинного мелькания. В громадной гуще стремительно спешащих по улицам людей внимательный наблюдатель может заметить два главных течения:

Одни бегут за счастьем. Другие убегают от смерти.

Джек был сейчас ни то, ни се.

От смерти он благополучно убежал. Теперь она ему непосредственно не грозила. А гнаться за счастьем было еще рановато: он ослабел после болезни и был оглушен непривычной после больницы сутолокой. Нужно было оглядеться, одуматься, войти в колею. Джек был сейчас совсем неподходящим для Нью-Йорка человеком. А главное, он все еще боялся, что его разыскивают по делу «Глорианы».

---

¹ «Армия Спасения» — благотворительное сектантское общество, основанное в 1865 г. методистом Вильямом Бузсом и имеющее свои отделения во всех частях света. (*Прим. ред.*).

Еще в бытность в больнице у него мелькала мысль уехать из опустылевшего ему Нью-Йорка, где он потерпел такую катастрофу и где погибла любимая им девушка, в сравнительно спокойный Вашингтон — резиденцию улыбающегося президента Вильсона. Джек был убежден, что там его никто не найдет и он легко отыщет работу.

Вашингтон совсем недалеко от Нью-Йорка. Дорога туда стоит недорого. У Джека имеются десять долларов за проданную «Армии Спасения» душу. Значит, надо сегодня же уехать отсюда, пока эти десять долларов не истрочены.

До отхода вашингтонского поезда осталось часа полтора. Достаточно времени, чтобы позавтракать и потолкаться по улицам.

Он зашел на вокзал, оставил там на хранение свой чемодан со сломанной «Глорианой» и остальным имуществом и отправился позавтракать. Он выбрал наиболее скромный бар, занял столик и спросил баранью котлету и кашу из пареной овсянки с патокой.

По мере того, как он прислушивался к тому, что говорилось вокруг него, ему начинало казаться, что он попал на какую-то другую планету. В самом деле: почти никто не говорил ни слова о бейсболе, не упоминал о Чарли Чаплине, не кричал о необходимости линчевать негров. В разговоре появились совсем новые, чуждые для него слова: Марна, Изер, Варшава, кронпринц, кайзер, Китченер. И все эти новые слова объединялись и поглощались одним старым, как мир, словом:

— Война!

Это слово было знакомо Джеку. Оно с раннего детства внушало ему какое-то уважение. Война! Генералы на белых конях, сверкающие сабли, пушки, усатые герои с орденами на груди и повязкой на голове, развевающиеся знамена! Но наряду с этими поэтическими образами в сознание Джека теперь стали прокрадываться неведомо откуда взявшиеся критические мысли. Погибают тысячи людей, разрушаются с одного маху целые селения, пускаются ко дну громадные корабли. И из-за чего все это? Из-за того, что в какой-то Сербии какой-то гимназист убил австрийского принца?!

Но разве не бывало в тысячу раз более ужасных преступлений, и, однако, из-за них никаких войн не начинали. Тысячи рабочих гибли в рудниках, на заводах, их жены и дети умирали с голоду во время забастовок, а все в Европе и Америке продолжало дышать миром. А тут вдруг из-за какого-то шального револьверного выстрела такая бойня! Что же это значит? Как это понять, и кто бы мог это объяснить Джеку?

Он хотел было задать своему соседу в баре два-три вопроса. Но сосед вдруг начал неистово ругать немцев, кричал о германских зверствах и потрясал своим ножом, которым не мог разрезать жесткую котлету. Другие соседи тоже кричали и ссорились. Один из них доказывал, что немцы через месяц будут в Париже, несмотря ни на какие поражения. Другой ни за что не соглашался отдать Париж немцам. Джеку было ясно, что разговор кончится одним из двух: или крупным пари, или не менее крупной потасовкой.

Котлета и каша были съедены. Джек расплатился, выпил стакан содовой, взял с собой на память зубочистку и решил не торопясь пойти на вокзал, обходя стороной полисменов. Убраться бы поскорее из этого опасного столпотворения в тихий город!..

Но едва он вышел из бара на улицу, как сразу понял, что происходит что-то необычайное. Со всех сторон бежали и кричали люди. Несколько взводов солдат в хаки, с ружьями наперевес, бежали к подъезду соседнего дома. Другие солдаты, заняв подъезд, грозно прицеливались в них. В окнах виднелись фигуры с ружьями и револьверами. На носилках несли каких-то окровавленных раненых.

Джек ничего не понимал... Что это такое? Неужели европейская война уже перебросилась в Нью-Йорк? У него невольно захолонуло сердце и по спине пробежал холодок.

Посередине улицы непоколебимо стояла какая-то высокая фигура с палкой в руках. Эта фигура, по-видимому, руководила сражением. Джек, пробегая мимо, натолкнулся на нее. Высокий человек с палкой остановил его:

— Эй, сэр, стойте! Если хотите, берите ружье и бегите туда! Плата — пятьдесят центов за сеанс!

— Зачем ружье? Какой сеанс?

— Что? Вы никогда не видали киносьемок?

Джек успокоился.

— Я не прочь, — сказал он, — но я не могу бегать! Я только что выписался из больницы.

— Превосходно! — возразил высокий человек. — В таком случае, вы будете раненым. Залезайте в носилки! Вас сейчас перевяжут.

Джек с величайшим удовольствием улегся в носилки. Какой-то парень, игравший роль санитаря, намотал ему на голову грязное полотенце, запачканное красной краской.

— Теперь лежите, не шевелясь, — скомандовал санитар, — и делайте такую рожу, как будто умираете!

Джек протянулся на носилках и почувствовал блаженство. Ему не нужно было шевелить ни рукой, ни ногой. Его несли, покачивая, в мягких носилках, и за это удовольствие его ждала еще и заработная плата. За ним несли еще троих-четверых таких же счастливцев. А на улице продолжалось «сражение»; режиссер хрипло кричал на всю улицу:

— Первый взвод, налево кругом! Марш! Не туда! Налево, вам говорят! Граждане, вы увидите все это на экране! Первый взвод, пли! Пли, вам говорят!

Гвалт, визг, топот многочисленных ног по тротуару, — все это сливалось в дикую какофонию, впрочем, довольно обычную для шумного города. Несколько полисменов в шлемах спокойно созерцали сражение. Какими-то жестами и мановениями они сдерживали толпу и регулировали уличное движение. Джек с опаской косился на них.

Он размечтался, лежа на носилках. Но блаженство его было непродолжительно.

— Куда вы меня несете? — спросил он санитаров.

— За угол.

— А там?

— А там на вас накинутся озверевшие германские солдаты и будут истязать.

Джек вытаращил глаза.

— Так я им и дамся! С какой стати?

— Так полагается по сюжету. Это «нападение германцев на Реймс и уличная битва». А вся картина называется «Германские зверства».

В этот момент менеджер дал свисток. Санитары опрокинули носилки и безжалостно вываливали раненых и умирающих прямо на мостовую. Раненые и умирающие со всех ног побежали к менеджеру.

Джек тоже очутился на мостовой. Он ушибся при падении и от боли и неожиданности пришел в неистовство.

— Дьяволы! — вопил он. — Что за свинство!

— Съемка кончена, — объявили санитары. — Бегите к менеджеру и получайте деньги!..

Но Джек закусил удила. В особенности выводил его из себя длинный рыжеволосый парень, который вывалил Джека из носилок, а сейчас хохотал и издевался над ним. Парень был остряк и награждал его такими смешными эпитетами, что все окружающие покатывались со смеха.

Джек не вытерпел и бросился на него с кулаками.

Через секунду оба они лежали на земле, тузя друг друга. Но парень был силен не только в острословии, но и в боксе. Ему удалось подмять под себя Джека, и он с гордым видом уселся на нем. Впрочем, ему не удалось вполне использовать это выгодное боевое положение: через секунду и он, и Джек снова уже стояли на ногах, поддерживаемые мощными полисменами.

А Джек так старательно избегал полисменов! Какое безумие было ввязываться в эту драку!

Полисмен сказал:

— Пожалуйте в участок, джентльмены! Прошу следовать за мной!

— Я не могу идти! — слабо пробормотал Джек. — Я болен, я только что выписался из больницы!

— А дерешься совсем, как здоровый, — вставил рыжеволосый парень.

— Ну, ну, трогай! — подталкивал Джека полисмен.

— Не могу!

Джек бессильно опустился на землю. Он припомнил режиссерское указание «санитара» во время съемки и сделал

умирающую физиономию. Со стороны Джек представлял поистине удручающую картину. Со всех сторон собиралась публика.

Полисмен в раздумье стоял над прахом Джека, держа за шиворот рыжеволосого парня. Подошел другой полисмен, поднял Джека и попытался поставить его на ноги. Но Джек со слабым стоном снова опустился, как мешок, на землю.

Но полисмены в Нью-Йорке не любят долго рассуждать. Второй, только что подошедший полисмен наклонился над Джеком и опытной рукой ткнул его в надлежащее место. И, не обращая внимания на стоны Джека, заявил:

— У него ничего не сломано. Он может идти.

— Нет, я не могу идти, — упорствовал Джек.

— Посмотрим!

Второй полисмен и какой-то доброволец из публики, которому, очевидно, нечего было делать, взяли Джека под мышки и потащили волоком, словно безжизненный труп. Впереди шел первый полисмен с рыжим верзилой. Джеку было страшно неудобно: он висел всем телом, ноги его волочились по мостовой. Но он решил выдержать характер.

Рыжий парень вдруг остановился впереди и заревел благим матом:

— Меня обокрали!!

— Что такое? Кто вас обокрал? — сердился полисмен.

Но парень рыдал так горько, что шествие невольно приостановилось.

— Все мои деньги! О, все мои деньги!! Весь мой заработок. Это вон тот стащил у меня, пока мы дрались!

Джека вдруг что-то кольнуло в сердце. Он вспомнил о своих собственных десяти долларах, которые он недавно разменял в баре.

Он мгновенно прекратил свое представление, вскочил, как ужаленный, на ноги и ощупал карман: денег не было.

— Меня тоже обокрали! — крикнул он.

Рыжий верзила упрекал Джека. Джек, весь багровый от гнева и обиды, кричал, что рыжий ломает комедию, и что, наоборот, он ограбил его, Джека, во время драки. Оба полис-

мена остановились в некотором замешательстве. Мгновенное исцеление Джека нисколько их не удивило. Они и не такие виды видали.

— Ну ладно, будет спорить! Идите дальше! Шериф разберет, кто у кого украл.

Укоряя друг друга, Джек и верзила двинулись далее. Оба грозили друг другу шерифом. Но второй из полисменов еще до шерифа решил вопрос о краже:

— Дураки вы оба! Вас обоих обокрали во время съемки.

Джек был в самом отвратительном настроении. Что его ожидало? Шериф, кутузка и, по всей вероятности, обвинение в хищении у профессора Коллинса!.. Приятное будущее, нечего сказать!

До участка было недалеко. Но добраться до него сегодня было нелегко. Даже магическая белая палочка полисмена не всегда помогала. На каждом шагу попадались неожиданные и необычные препятствия: на перекрестках то и дело встречались импровизированные трибуны, окруженные густой толпой. Это выступали уличные ораторы с речами по поводу войны. Одни из них громили и поносили немцев, другие высказывали надежду, что Соединенные Штаты не останутся равнодушными к борьбе наций. Третьи, — их было очень немного, — высказывались против вмешательства и даже советовали всем сознательным гражданам бороться с воинственными замашками своих близких. Наконец, какой-то длинноволосый и мрачный гражданин влез на фонарь и громко крикнул :

— Долой войну! Война войне!

Его встретили свистом и негодующими восклицаниями. Но он не унимался:

— Мы объявляем войну войне! Ни одной тонны пороха Европе! Ни одного доллара денег!

— Долой с фонаря! — кричали в толпе. — Стащите его за ноги!

— Вы хотите помогать капиталистам, которые затеяли постыдную бойню? — кричал человек на фонаре. — Вы хоти-

те работать для них, выделять им снаряды, давать им деньги? Вы хотите развращать рабочих, заставляя их служить позорному делу? Так вот, я говорю вам: мы будем взрывать ваши заводы, убивать ваших банкиров! Мы заставим рабочих бастовать! Мы свалим под откосы поезда с военными снарядами! Мы пустим ко дну пароходы! Война войне!

Оратор не кончил... Над толпой мелькнула его лохматая голова и беспомощно замахали его длинные руки. И погрузились в океан толпы. Через минуту Джек увидел противника войны снова: его вели трое полисменов. Он был без пиджака, ворот рубахи был разорван, лицо окровавлено. Толпа выла, как многоголовый и многоголосый зверь. В лохматого человека летел град яблок, картофеля, яиц, причем все это, главным образом, попадало в полисменов. Джек с отвращением смотрел на бесновавшихся нью-йоркцев. Они орали, визжали и махали кулаками с такой силой, словно хотели оторвать их от кисти.

Через две-три минуты Джек и полисмен шли уже в более спокойной волне публики. Рыжий верзила куда-то исчез со своим телохранителем, что, впрочем,нисколько не беспокоило Джека. Он сейчас был занят бесконечно более важными мыслями: что это за храбрый и странный человек, который только что бросал в бешеную толпу такие отчаянные лозунги: топить корабли, взрывать заводы? Конечно, война началась из-за нелепости, но мыслимо ли так бороться с ней? В то же время, эта отчаянность привлекла Джека своей героичностью. И параллельно с этим, его не покидала ребяческая восторженность перед войной вообще: что там ни говори, а воевать все-таки так интересно.

Джек не мог разобраться в этих противоречивых мыслях. Это еще более приводило его в дурное и безнадежное настроение. Как отвратительно кончился этот день, начавшийся освобождением из больницы!

— Налево, через улицу! — скомандовал полисмен.

Но перейти через улицу было труднее, чем идти вдоль улицы. Участок, который сейчас казался полисмену обетованной землей, а Джеку совсем не казался ею, был на той сто-

роне улицы. Он помещался рядом с редакцией «Вечерней почты». Но все пространство перед редакцией было занято народом, который ожидал последних новостей с театра войны. Пробраться сквозь эту толпу было мудрено даже для полисмена.

Это был час, когда в редакции получались телеграммы Рейтера.

На стене дома была выставлена громадная карта Европы, а в огромном зеркальном окне белели плакаты с текстом телеграмм.

Подойдя к зданию редакции, Джек был ошеломлен внезапным диким ревом. Рев этот, неопиcуемый и ни на что земное не похожий, несся откуда-то с небес.

— Что это такое? — спросил Джек соседа.

— Телеграммы пришли.

— Чего же они так воют?

— Это воет редакционная сирена на крыше, — объяснил другой сосед. — Они дают знать публике о том, что пришли новости.

Бытье продолжалось с минуты. Затем воцарилась тишина. В зеркальном окне беззвучно исчезли прежние плакаты и появились новые:

«Сражение на Изере продолжается».

«Новая неудача германцев под Варшавой».

И наконец:

«Германской подводной лодкой потоплен близ Ньюфаундленда американский пароход “Президент Линкольн”».

Улица ответила на этот плакат таким же диким воем. Известие о потоплении американского парохода распространилось по городу еще с утра. Поэтому сегодня и было так много уличных ораторов, и была так воинственно настроена публика.

Джек слышал вопли: «Долой немцев!», «Смерть Германии!», «Везде!» Полисмен заинтересовался было плакатами (ничто человеческое ему не было чуждо), но спохватился, схватил Джека за шиворот и энергично врезался в толпу, требуя дороги. Но толпа не давала дороги и все более и более сжималась в плотный, живой монолит.

У дверей редакции происходило настоящее сражение: там начали продавать свежий номер газеты, и толпа осадила газетчиков, с бою вырывая у них газетные листы. В это время из редакции вышел на улицу мальчик с узенькой лестницей и целым букетом разноцветных флажков под мышкой. Он проворно взобрался по лестнице к громадной карте и стал втыкать флажки в соответствующие места «театра военных действий».

Публика приняла самое живое участие в этом деле. Мальчишку поощряли, понукали, поправляли его ошибки. Видя себя центром всеобщего внимания, мальчишка в конце концов зазнался и стал баловаться. Вися в горделиво-небрежной позе на тонкой перекладине лестницы над беснующейся толпой, он чувствовал себя владыкой, которому все позволено. Он взял немецкий флаг и воткнул его в Париж.

— Долой! — закричали внизу.

— Браво! — раздалось там же.

Мальчишка перенес флаг в Лондон. Опять раздались восклицания негодования и хохот.

— Убирайся к черту, а не то спустим тебя с лестницы!

— И отвинтим тебе голову!

Джек страшно завидовал мальчишке. Ему самому хотелось постоять на лестнице и выкинуть какую-нибудь штуку. Какая жалость, что он уже не может превращаться в невидимку! О, если бы «Глориана» была цела...

Да, если бы она была цела... Джек уже сто раз вспоминал ее с того момента, когда его арестовали...

Полисмен толкнул его в плечо.

— Идем назад! Попробуем пройти с переулка!

То, что произошло далее, заняло в общей сложности всего несколько мгновений. Но излагать эти события в их последовательности поневоле придется несколько дольше.

В окне редакции появилось громадное раскрашенное изображение потопленного «Президента Линкольна». И почти мгновенно вслед за тем откуда-то сбоку вынырнули зна-

мена с лозунгами. Раздались крики, пение. Началась патриотическая военная демонстрация...

И опять-таки почти мгновенно после того раздался оглушительный удар, и все вокруг застлало едким дымом. Звон разбитых стекол, крики ужаса и стоны слились в дикую какофонию.

Джек ничего этого уже не видел и не чувствовал.

Последним его ощущением была боль в затылке и звон в ушах. Он лежал плашмя на мостовой, и для него не существовало теперь ни толпы, ни полисмена, ни участка, ни Нью-Йорка.

— Мистер Джек! Ради бога, очнитесь!

Облака небытия начали понемногу рассеиваться. Но Джек воспринимал окружающее без надлежащего понимания.

— Убирайтесь к черту! — сердито говорил он наклонившейся над ним молодой и красивой даме. — Не пойду я в участок!

— Боже мой, Джек! Что вы говорите?

Джека приподняли и поддерживали под руки два неизвестных прохожих, которые ровно ничем не напоминали собой полисменов. Дама, принявшая такое горячее участие в Джеке, еще менее походила на блюстителя порядка. Но Джек вырывался, ругался, махал руками.

— Мистер Джек, неужели вы меня не узнаете?

Джек внезапно смирился. Он встал на ноги и провел рукой по волосам.

— Где моя шляпа? — спросил он.

Шляпу подняли и одели ему на голову.

— Но я не пойду в участок! — продолжал он.

Прохожие и дама рассмеялись:

— Никто вас туда и не тащит! Как вы себя чувствуете? У вас ничего не болит?

— Нет, ничего... Значит, я спал?

— Вы были оглушены взрывом.

Джек ничего не понимал. Каким взрывом? Он осмотрел-

ся по сторонам. Дом, где помещалась редакция «Вечерней почты», был оцеплен солдатами. Громадное зеркальное окно, в котором выставлялись телеграммы, было разбито, и телеграммы исчезли. Стекла во всех остальных окнах были также выбиты. Пахло дымом и гарью. Где-то пыхтел автомобиль. Через секунду он промчался мимо Джека. Это была скорая помощь.

Неизвестные прохожие, помогавшие Джеку возвращаться к жизни, увидев, что он ожил, покинули его. Но дама не покидала. Она предложила Джеку пойти к ней.

— Я вам очень благодарен, — смущенно начал Джек. — Ваше лицо мне знакомо, но я, ей-богу, вас не знаю!

Дама расхохоталась.

— Сильно же вас оглушило, Джек, если вы все еще меня не узнаете! Фата-Моргана... Помните, как мы были с вами в опере?..

Джек остановился, как вкопанный.

— Ну, конечно же, я вас помню! Это все мой обморок дурацкий... Меня такхватило по затылку, что я...

Он тщательно ощупал затылок.

— Идемте скорее, Джек! — торопила молодая женщина. — Я живу здесь близко, в двух шагах.

— Почему взрыв? — недоумевал Джек. — Кто его устроил?

— Пацифисты!

Джек не имел ни малейшего представления о пацифистах.

— Кто эти пацифисты? — спросил он.

— Пацифисты — это люди, которые не хотят войны. Они против вмешательства Америки. А сами вмешиваются во все. Грозят топить пароходы, устраивать забастовки.

— Знаю, знаю! Теперь я вспомнил! Человек на фонаре!..

— Бог знает, что вы такое говорите! Какой человек на фонаре?.. Но дело не в этом. Давеча организовалась патриотическая манифестация. И эти пацифисты бросили в нее бомбу. И куда-то зашвырнули вашего полисмена. Но вот мы и пришли!

Джек остановился в недоумении. Подъезд и сам дом были ему слишком хорошо знакомы.

— Ну, что же вы стоите? — промолвила дама.

Они сели в лифт. Джека мучили мрачные предчувствия. Он начинал подозревать, что его ждет западня. Лифт остановился, к его ужасу, в четвертом этаже. И к еще большему ужасу, они остановились перед квартирой № 80.

— Я... Я не пойду! — бормотал Джек, пятясь назад.

— Что с вами?— удивилась молодая женщина. — Почему вы такой странный? Вы даже побледнели!

— Послушайте!.. Постойте!.. Ведь это же квартира профессора Коллинса! Здесь живет... жил... профессор Кол...

Джек был готов убежать, сломя голову. Ему было все ясно: полиция охотилась за ним по делу о краже «Глорианы» у профессора Коллинса. Фата-Моргана была орудием полиции. Ей было поручено заманить Джека и предать его в руки правосудия!

Фата-Моргана ласково взяла его за руку.

— Что такое с вами? Здесь действительно жил какой-то профессор, но он умер, и теперь здесь поселилась я. Мое настоящее имя... Читайте!

Она указала на медную дощечку на двери.

«Миссис Лукреция Шельдон».

Джек почесал себе затылок.

— Хорошо! — промолвил он. — А вы не собираетесь выдать меня полиции?

Молодая женщина залилась громким смехом и втолкнула Джека в свою квартиру...

Джек сидел в роскошной столовой, пил чай и ел фаршированного поросенка. Ел с жадностью, потому что был голоден. Он думал: «А ведь еще так недавно я подавал профессору Коллинсу в этой самой комнате кофе и бегал отворять дверь почтальону. А вон рядом, в соседней комнате, у профессора была лаборатория. Как она была закопчена! Там, в этой лаборатории, в дыму горна, в отблеске пузатых колб и реторт родилась “Глориана”»...

— Вы, Джек, кажется, интересуетесь моей квартирой? Хотите, я покажу вам ее?

Квартира миссис Шельдон ничем не походила на квартиру старого профессора. Теперь здесь царила такая роскошь, что у Джека невольно кружилась голова. В бывшей лаборатории устроен будуар Фата-Морганы: стены обтянуты роскошной персидской материей. Там, где был горн, воздвигнут чудесный мраморный камин. На полу необыкновенно красивый ковер. Везде масса красивых безделушек, картин, красивой мебели, и все это золотое, мраморное, драгоценное...

Джеку невольно вспоминаются питсбургские голодные ребятишки, дети углекопов. Но он молчит.

Проходит час. Проходит и еще час. Джек сидит в мягком кресле, в благоуханной атмосфере этого роскошного гнездышка.

Ему не хочется уходить. Молодая красивая женщина сидит рядом с ним, касается его плеча, смеется, курит папиросы и пьет через соломинку коктейль, составленный из каких-то дорогих напитков. И задает Джеку вопрос за вопросом. Джек откровенно рассказывает ей обо всем, за исключением «Глорианы». Это его личная тайна!

— Значит, вы едете в Вашингтон?

— Да, миссис! И как можно скорее!

— С каким поездом?

— Видите ли, миссис, — смущенно говорит Джек. — Я не могу сказать, с каким поездом я выезжаю.

— Почему?

— Это будет зависеть от... денег...

— У вас нет денег?

— Меня обокрали!

— Какой ужас! Но это можно поправить. Я ссужу вам!

— О, нет! Зачем же?

— А что ж такого? Послушайте, Джек, я, право, обижусь, если вы не возьмете! Ну, пожалуйста!

Она силой засунула Джеку в карман несколько банкнот. Джеку не оставалось ничего другого, как согласиться.

Затем миссис Шельдон посмотрела на часы и заторопилась:

— Милый Джек! Мне очень стыдно вас выгонять, но ни-

чего не поделаешь! Половина пятого! Мне нужно отправиться на благотворительный базар в пользу жертв войны. Ах, как поздно! Ну, прощайте, дорогой Джек! Поезжайте с первым же поездом в Вашингтон. И непременно напишите по приезду и сообщите ваш адрес. Мы еще увидимся, надеюсь!

Джека немного удивило такое выпроваживание. Удивился он и тому, что уже половина пятого.

К тому же, он уже успел разнежиться в этой одурманивающей обстановке, и ему не хотелось двигаться с места. Но ничего не поделаешь! Нужно поскорее покинуть опасный Нью-Йорк с его полисменами.

Выйдя от Фата-Морганы, Джек столкнулся на площадке с каким-то очень элегантным джентльменом, который выходил из кабинки лифта. Джек сначала не обратил на него внимания. Но тут случилось странное происшествие: элегантный господин подошел к квартире миссис Лукреции Шельдон и... и, открыв дверь своим собственным ключом, исчез за дверью.

Джек разинул рот.

Ревность — очень неприятное чувство. Ревнивцу кажется, будто его обокрали, надули, оставили в дураках... Удивительно сложное чувство!

Джек испытывал его сейчас во всей полноте. Что это за наглец ворвался у него на глазах к его Фата-Моргане? Джеку страстно хотелось вломиться в квартиру № 80 и применить к элегантному джентльмену приемы нью-йоркского бокса. Он пылал гневом. Но кабинка лифта неумолимо увлекла его вниз. А когда Джек очутился внизу, он немного уже остыл.

Кто бы это был?

Может быть, это брат миссис Шельдон? Или дядя? Ведь Джек ничего не знает о родственных связях Фата-Морганы. Да и вообще ничего о ней не знает, кроме тех отрывочных сведений, которые он приобрел во время кратковременного и довольно предосудительного знакомства с этой женщиной...

На улице у подъезда стоял роскошный автомобиль. Швейцар подобострастно разговаривал с важным шофером. Джек подождал окончания разговора и равнодушным тоном осведомился у швейцара, чей это автомобиль.

Швейцар весь сиял, словно сподобился какой-то неизреченной благодати:

— Помилуйте! Этот автомобиль известен всему Нью-Йорку!

— Но кто же на нем приехал? — настаивал Джек.

Швейцар весь расплылся в широчайшую улыбку:

— Сэр Джон Пирпонт Морган...

У Джека мелькнула мысль: «Родственник! Я так и думал! Она урожденная Фата-Моргана».

И он было успокоился. Но швейцар тут же разрушил его спокойствие.

Он наклонился к Джеку и заговорил конфиденциальным тоном:

— К своей душеньке приехал! В четвертом этаже!

— В той квартире, где прежде жил профессор Коллинс?

— спросил Джек подавленным голосом.

— Вот, вот! Разве вы ее знаете?..

В тенистом парке, вдали от шума громадного города, имеется много скамеек. Все эти скамейки могли бы многое рассказать, потому что на них сидят и думают о своей жизни усталые люди. Они уходят от измучившего их города в здешнюю тишину, к этим скамейкам, и раздумывают о своем горе...

На одной из этих скамеек, хорошо знакомый с человеческим горем, сидел сейчас Джек.

Ему нужно было уже давно уехать в Вашингтон. И он мог уехать, у него были деньги.

Но вот эти-то самые деньги и помешали сейчас его отъезду.

Это были деньги миллиардера Моргана. Джек достоверно знал это.

Трижды проклятые деньги! Недоставало того, чтобы еще... и Джек попал на содержание к этому денежному тузу, хотя бы и косвенно. Коварная Фата-Моргана! Вот какими день-

гами она благодетельствовала Джека.

Нет! Прочь эту мерзость!

Джек вынул из кармана пачку банкнот и швырнул ее брезгливо в сторону. И, подперев голову руками, остался сидеть в апатичной позе, в отвратительнейшем настроении.

Деньги лежали на дорожке и словно недоумевали: зачем они попали сюда? Джек смотрел на них и думал: «И черт с ними!» Напротив него на скамье сидел мужчина с газетой в руках. Он, по-видимому, заметил выходку Джека.

Через несколько минут в аллее показался бедно одетый прохожий. Он шел, покачиваясь и, очевидно, был немного навеселе. Поравнявшись со скамейкой Джека, он заметил на дороге пачку кредиток и остановился в недоумении. Он заметил, что Джек в упор смотрит на него.

— Сэр, это не вы обронили деньги? — спросил он.

— Я! — спокойно ответил Джек.

— Возьмите же их!

— Не желаю!

— Как странно! Почему?

— Потому что они жгут мне руки!

— А интересно знать, как они действуют на мои руки?

— Попробуйте!

Прохожий не без труда наклонился и подобрал кредитки.

— А меня они, знаете, нисколько не жгут! — промолвил он, лукаво ухмыляясь. — Могу совершенно свободно держать их в руке.

Незнакомец положил кредитки в карман. Он с натянутым видом повертелся перед Джеком (по-видимому, он немного опасался, не ловушка ли это?) и промолвил, усмехаясь:

— А что вы скажете, если я сейчас пойду домой?

Джек произнес серьезным тоном, налегая на каждое слово:

— Вот что, товарищ! Это деньги Джона Пирпонта Моргана, эксплуататора рабочих. Они нажиты кровью и потом таких бедняков, как вы. Если хотите, возьмите их себе. Они гораздо больше ваши, чем моргановские.

— О, благодарю! — пробормотал незнакомец и удалился.

ся с растерянно-недоумевающим видом, все время оглядываясь по сторонам.

Джек все сидел на скамейке. В Вашингтон было уже невозможно ехать: у него снова не было ни гроша.

Он машинально начертил на песке тросточкой свою фамилию: Швинд.

Мужчина, сидевший на противоположной скамье, сложил газету, сунул ее в карман и пересел к Джеку.

— Это ваша фамилия? — спросил он, указывая на песок.

— Да, моя!

— Вы немец?

— Мой отец был немец.

Молчание. Джек сидел, не шевелясь и опустив голову на руки.

— Я видел, что вы сделали, и слышал ваш разговор, — продолжал собеседник Джека. — Жаль, что деньги попали этому бродяге: он их пропьет. Но дело не в этом. Вы-то сами уж очень меня заинтересовали!..

Опять наступило молчание.

— Скажите мне, товарищ, кто вы и что вы намерены делать?

Незнакомец взял Джека под локоть.

— Зачем вам это? — пробормотал Джек.

— Видите ли, это долго объяснять, но суть в том, что вы, как мне кажется, очень подходите для одного дела. Скажите, вы связаны здесь чем-нибудь? Какой-нибудь службой, например?

— Ровно ничем! Я даже хотел сегодня ехать в Вашингтон.

Незнакомец как будто удивился.

— Вот как? В Вашингтон? Превосходно! Так вот что, товарищ! Я не буду вам насильно ничего навязывать. Но раз вы все равно собирались туда ехать, то поезжайте. Я тоже еду туда, и мы там, может быть, столкнемся насчет одного дела. Поедьте сегодня же!

— Я не могу ехать! — мрачно промолвил Джек.

— Отчего? А, понимаю! Моргановские деньги выброшены, а своих не хватает.

— Вы угадали! — признался Джек.

Собеседник рассмеялся.

— Нет, вы, право, прелюбопытный человек! Тогда вот что: я не Морган и не эксплуататор. Я простой рабочий, как и вы. Возьмите у меня в долг, мы потом сосчитаемся. Когда приедете в Вашингтон, ступайте на алюминиевый завод Массена¹ и спросите механика Франка Гольта.

II

Прошло два дня.

Жизнь Джека, как ему казалось, вошла в спокойное и довольно узкое русло. Он теперь рабочий завода Массена, законтрактованного какими-то представителями воюющей нации и выделяющего снаряды и мины. Джек попал в «химический сектор» и помогает химикам наполнять гранаты и прапнели взрывчатой начинкой. Это очень неинтересно и небезопасно. Джеку нередко приходят в голову угрозы пацифистов взрывать заводы. Такой завод, как Массена, и взрывать-то не придется: он сам может взорваться в любой момент. И что тогда, спрашивается, станется с Джеком?

Он работает положенные девять часов в сутки, а, кроме того, нередко остается на сверхурочную работу, чтобы выгнать побольше долларов. Платят на заводе хорошо: люди, ведущие мировую войну, не стесняются в средствах. Им требуется колоссальное количество смертоубийственных снарядов, потому что число людей, обреченных на убийство и искалечение, необыкновенно велико.

Джек не столько трусит во время своей работы, сколько просто скучает и томится. Его мучают все те же вопросы о войне, о пацифистах, о борьбе со злом посредством того же самого зла... Он пытается поговорить обо всем этом с това-

---

¹ Массена — всемирно известный завод в Вашингтоне (*Прим. ред.*).

рищами, но большинство из них интересуется только заработком да выпивкой, — это темный народ, собравшийся здесь, на заводе, со всех концов мира: тут и немцы, и чехи, и итальянцы, и южные американцы, — и почти все они настоящая голытьба, дорвавшаяся до недурного заработка и радовавшаяся ему. Война для них благополучие. Без нее они не получили бы этого заработка.

Меньшинство, — более развитые и сознательные рабочие, преимущественно немцы и американцы, — интересуются войной и политикой, но и от них Джек не может добиться правильного и удовлетворяющего решения вопроса. Кругом него идут иногда на заводе яростные споры: одни из рабочих стоят за немцев, другие — за Антанту. Слушать их тяжело и противно. Джек убежден, что самое лучшее было бы вместо этих споров заняться боксом.

На завод его приняли беспрепятственно, но Джек так и не может дознаться, произошло ли это по протекции Франка Гольта, или само собой. Франка Гольта он еще не видал на заводе ни разу, и в первый день, явившись на завод Массена и выразив желание повидаться с Гольтом (как было с ним условлено), получил свидание лишь с помощником Гольта. Это был мрачный и крайне неразговорчивый немец. Джек сказал ему: «Мистер Гольт направил меня сюда, я хочу поступить на завод!» Мрачный помощник механика оказал: «Ол райт!» и прибавил: «Ступайте к Фоксу!..» И затем не промолвил более ни слова.

Джек пришел в недоумение: что это значило? Не хотел ли он сказать: «Ступайте к черту!», и лишь нечаянно, вместо «черта», сказал «Фоксу». Но потом оказалось, что Фокс действительно существует. Джек добился этого путем справок и расспросов. Фокс сидел в конторе и записывал поступающих на работу. Записал он и Джека, и дело было сделано.

Прошло еще два дня. Джек решил, что Франк Гольт попросту забыл про него.

Но однажды, выходя с завода по окончании работ, он случайно натолкнулся на механика и в первый момент даже не узнал его. Но тот узнал Джека и по-приятельски по-

трепал его по плечу.

— А, враг Пирпонта Моргана!

Джек немного смешался и промолчал.

— Ну, как дела? — продолжал Гольт. — Работаете? Довольны? Ну и отлично! А я все эти дни был по горло занят и никак не мог собраться потолковать с вами. Вы свободны сейчас?

— Да, свободен!

— Вы, наверное, собирались пообедать? А вы где обедаете? В каком-нибудь баре, где вас, как чужака, обдирают, как липку? Не хотите ли пообедать со мной вместе в «Аранджи»?

— С удовольствием! — согласился Джек. — А это что такое?

— «Аранджи»? Да попросту таверна, и даже грязноватая. Но кормят там хорошо, а главное, дешево, и, кроме того, дают постоянным клиентам в кредит. Хозяин в прежнее время, до войны, был буфетчиком на пароходе «Аранджи», но прогорел, и теперь держит здесь таверну. Он очень гордится своей прежней пароходной деятельностью и постоянно говорит об этом пароходе в самых восторженных выражениях, хотя он и потерпел на нем неудачу. И даже свое заведение он окрестил тем же названием. Он не то малоросс, не то поляк. Фамилия и имя у него такие, что нам с вами не выговорить.

«Аранджи» оказалась, действительно, изрядной труппой. Джеку и его спутнику пришлось пробираться куда-то во второй двор по исковерканной, словно после землетрясения, мостовой и даже по доскам, наспех и небрежно перекинутым над зияющей бедной какой-то ямы. Благополучно перебравшись через эти препятствия, Джек и Гольт поднялись по грязной железной лестнице в третий этаж, остановились перед ободранной и исцарапанной дверью с надписью «Аранджи» и решительно толкнули ее.

Внутри было столь же неказисто. Джеку после его шикарных походов с Фата-Морганой показалось втрое неказисто, и его невольно покорило. Но разговор с Гольтом и предстоящее «таинственное дело», на которое Гольт

неоднократно намекал, так заинтриговали его, что он решил не обращать внимания на обстановку «Аранджи».

Очевидно, здесь все посетители были свои люди. Гольт со всеми дружески раскланивался, обменивался замечаниями. Джек заметил, что почти все посетители были, судя поговору, немцы, и притом немцы солидные и упитанные, а двое были даже шикарно одеты, в дорогих панамах и толстыми золотыми цепочками на животе.

— А вот и сам хозяин! — сказал Гольт и потащил Джека к маленькому уродливому субъекту с морщинистым лицом и маленькими острыми и сверкающими глазками. — Здравствуйте, хозяин! Вот я вам привел еще одного клиента!

Хозяин имел такой же грязный и замызганный вид, как и его заведение. Джек сразу почувствовал к нему отвращение и совершенно недоумевал: зачем понадобилось знакомиться с этим типом? К чему такие церемонии? Он вообще многого не понимал в поведении Гольта. Но эта таинственность в связи с трусобным характером «Аранджи» сильно заинтриговала его.

Хозяин бесцеремонно оглядел Джека, словно ему нужно было изучить его внешность, и равнодушно отвернулся. Гольт сел за отдельный столик, в сторонке, любезно придвинул Джеку стул и крикнул:

— Викентий! Подай мне порцию борща! С мухами!

— Почему с мухами? — удивился Джек.

Гольт совершенно серьезно объяснил:

— Потому что у них в кухне чертова бездна мух! И у них сидит там мальчишка, который вылавливает мух из тарелок перед тем, как подавать гостям. А так как он делает это прямо пальцами, то я предпочитаю вытаскивать мух сам.

— Зачем же пальцами? — недоумевал Джек. — Почему ему не дадут ложку?

— Это невыгодно! С ложкой он будет зачерпывать и суп. Вот он и обжигается. Несчастный парнишка он, в сущности! Эксплуатируют его здесь всюю, еще почище, чем ваш возлюбленный Морган эксплуатирует своих рабочих! Мы уже неоднократно били здешнего хозяина за это.

Джек заявил:

— Знаете, мне что-то не хочется есть. Я так посижу.

— Брезгаете? — улыбнулся Гольт. — Пустяки! Зато кор-
мят хорошо. Вкусно. Возьмите «бортш» и «кулебак», это спе-
циальность «Аранджи». Национальные кушанья.

— Чьи национальные? Какой нации?

— Той нации, к которой принадлежит здешний хозяин.

Не все ли вам равно?

Викентий, бледный, веснушчатый парень, подал тарел-
ку «бортша».

— А где же мухи? — спросил Гольт.

— Извините, сэр, сегодня мух не было.

— Врешь!

— Честное слово!

Джек подумал и заказал порцию и себе. Но заметил:

— Отчего вы не бьете здешнего хозяина также и за не-
ряхливость?

— Не действует! — улыбнулся Гольт. — Это у него уж
врожденное. Горбатого могила исправит!

«Бортш» оказался настолько вкусным, что Джек стал с
жадностью поглощать его, уже не заботясь о том, какой он
национальности и купались ли в нем пальцы мальчишки,
ловца мух в «Аранджи».

Франк Гольт смотрел на него и посмеивался.

— Ну, а теперь поговорим о деле!

Они сидели друг против друга, положив локти на стол,
почти лицом к лицу. В трактире было шумно, и разговор
их никому не был слышен.

Гольт велел подать вина и усердно подливал Джеку в
кружку. От горячей еды и от пива Джек разгорелся. Слад-
кое чувство животной теплоты, блаженного довольства и
беззаботности наполняло его. Его собеседник казался ему
великолепнейшим человеком. Джеку хотелось смеяться, шу-
тить и говорить без конца.

Гольт, наоборот, был очень серьезен.

— Прежде всего, расскажите мне, кто вы, собственно? Я
ведь ничего еще о вас не знаю! — сказал он.

Джек начал:

— Я был портовым рабочим в Нью-Йорке. Но больше

работал по обслуживанию пассажиров: отнесешь багаж, сбегаешь по какому-нибудь поручению. Я, знаете, с детства ужасно люблю пароходы, и меня всегда тянуло потолкаться на палубе, забраться в каюту, побеседовать с матросами. Однажды я отнес на берег багаж какого-то старика-профессора и так понравился ему, что он пригласил меня служить у него приходящим лакеем. Это был профессор Коллинс... Вы, может быть, слыхали о нем?

Последнюю фразу Джек произнес довольно робким тоном. Он вдруг испугался, не повредит ли ему такая откровенность.

Но Гольт спокойно кивнул в ответ и сказал:

— Слыхал. Знаю. Продолжайте!

— Ну, так вот, я и служил у него. До тех пор, пока...

Джек покраснел и запнулся.

— До тех пор, пока что?

— Видите ли, это очень странная история... Даже невероятная. Я боюсь, что вы мне даже не поверите. Между тем, это самая святая истина. Профессор Коллинс изобретал самые необыкновенные вещи, и, между прочим, «Глориану»...

— Что же это такое? — спросил Гольт и еще подлил Джеку пива.

— Это?.. Это необыкновеннейшая вещь... (Джек на мгновение подумал было о том, что не мешало бы держать язык за зубами, но его охватило стремление к откровенности). Вы берете ее, приставляете вот так к шее — и больше ничего. Вы исчезли.

— Куда исчезли?

— Никуда. Вы, собственно, остались на месте, но вас уже не видно, вы невидимка. А как только сняли «Глориану» с шеи, вас опять видно.

— Что же это такое? — недоумевал Гольт. — Я боюсь, что вы выпили лишнее! Неужели на вас так сильно действует пиво?

Джек расхохотался.

— Вы думаете, я говорю ерунду? Ничуть не бывало! Я мог бы вам показать «Глориану», у меня остались ее об-

ломки. Это такой аппарат, в виде вилки.

— Вы говорите, у вас остались ее обломки? Как же она к вам попала?

Джек смутился.

— Я... Я взял ее у профессора. Это целая история.

— Зачем?

— Я подглядел, что он с ней выделяет... И меня так заинтересовало... Я хотел побаловаться с ней... А потом начались всякие глупости: я брал покупки в магазинах и исчезал, не платя. Обедал в ресторане с одной дамой... Ходил с ней в оперу... Предурацкая это штука опера. Вы бывали там? Поют какие-то горлодеры, и ничего не поймешь. Потом, знаете, я ограбил Национальный Банк...

— Так это вы? — изумился Гольт. — Я читал в газетах об этом загадочном ограблении.

— Да, я... Денег я добыл ужасно много. Я не считал их, я набил ими целый чемодан. Но меня тоже ограбили, и у меня осталось тысяч около тридцати всего. Тогда я заинтересовался пенсильванской забастовкой, знаете, у углекопов; поехал туда с «Глорианой», чтобы помочь бастующим... И наделал там всяких дел. Мне хотелось помочь рабочим. Деньгами я им не помог, потому что их у меня отнял тамошний шериф... Вот, я скажу вам, мерзавец он был! Я до сих пор не могу подумать о нем спокойно. Но зато с помощью «Глорианы» я все-таки спас положение рабочих. Они продержались молодцом и свое взяли. Трест должен был пойти на уступки.

— Так, так! — задумчиво говорил Гольт, скатывая шарики из хлеба. — Чудесно! И фантазер же вы! Любитель приключений... Да и в голове, очевидно, кое-какие идейки, судя по вашему поступку в парке в Нью-Йорке. Я думаю, что вы нам подойдете!

Наступило молчание. Джека подмывало спросить, для чего он может подойти.

Гольт первый нарушил молчание:

— Скажите-ка, как вы относитесь к войне?— начал он.

— Как? Меня самого мучит этот вопрос, — признался Джек, — я ничего не понимаю. Мне казалось с самого нача-

ла, что это какая-то дурацкая война. С чего? С какой стати? Ничего не поймешь! Кто-то кого-то подстрелил, и вдруг все страны в Европе полезли друг на друга. Но тут что-то не так. Не может быть, чтобы все это делалось ни с того, ни с сего, из-за какого-то гимназиста Принципа. Я ужасно хочу, чтобы мне растолковали все это...

— А вы слышали что-нибудь о пацифистах?

Джек расцвел от удовольствия.

— Как же! Еще бы! Я из-за них даже чуть не пострадал. Мне здорово попало по затылку!

— Каким образом?

— Во время манифестации меня хватили чем-то по затылку так, что я совсем одурел! Я, знаете, в этот день только что выписался из больницы. Надо вам сказать, что моя история с «Глорианой» закончилась очень печально: после всех моих удач я вернулся из Пенсильвании в Нью-Йорк и хотел жениться на одной девушке... (Лицо Джека затуманилось.) Но она погибла... Ее убили. И меня едва не убило обвалом в том доме, где она жила... Меня такхватило камнем или обвалившейся балкой, что меня замертво отправили в больницу. А от моей «Глорианы» остались одни обломки. Я пролежал в больнице очень долго. А едва только вышел из нее, как в тот же день нарвался на военную манифестацию.

— А вы представляете себе, для чего они се устроили?

— Да, до некоторой степени представляю. Я слышал уличную речь одного пацифиста. Мне она очень понравилась.

Гольт медленно зажег и закурил свою трубку и начал:

— Вы совершенно правы, Джек: эта ужасная война (а она будет еще ужасней!) началась вовсе не из-за того только, что один безумец подстрелил австрийского эрцгерцога. Причины имеются еще и другие, и бесконечно более глубокие. И разобраться в них сейчас, пожалуй, еще и невозможно! И невозможно парализовать их, чтобы прекратить войну...

Джек слушал с величайшим вниманием.

— Пацифисты хотят мира. Они стремятся к прекращению всех этих кровавых безумств. Но как это сделать? При-

чины, о которых я только что говорил, неустранимы. Сами народы уже не могут теперь устранить их. А о королях и говорить нечего: они такие же пешки, как и солдаты, которых гонят на бойню. Остается одно: клин вышибать клином, бороться с войной войной же...

— Не давать Европе ни тонны пороха... взрывать заводы... топить корабли... — подсказывал Джек. Он с чрезвычайной ясностью вспомнил человека на фонаре и его отчаянную речь под свист и вой толпы.

— Да, да!.. Это, конечно, жестоко... но иначе нельзя! Надо задушить железной хваткой это безумное стремление к уничтожению тысяч людей и культурных богатств.

— Конечно! — согласился Джек.

— Теперь я вам вот что скажу, Джек! — продолжал Гольт, понижая голос. — Я тоже пацифист и все присутствующие здесь, в кабачке дяди Станислава, пацифисты. И «Аранджи» не только название его таверны, но и наш условный лозунг.

Джек был поражен. По его спине забегали мурашки. Этого поворота дела он никак не ожидал! Он находился в самом центре пацифистов. Здесь, вероятно, везде валяются бомбы, быть может, даже под его стулом.

Но его мгновенно поразила и рассмешила другая мысль: а разве у себя на заводе он не имеет дело с бомбами?! Очевидно, судьбе было угодно посадить Джека на вулкан. Ну, что ж? Это даже довольно занятно! Во всяком случае, пацифисты очень интересные люди.

И через мгновение Джека уже озарил ослепительная гордость при мысли, что он попал к пацифистам. И так как он был парень неглупый и сметливый, то он сейчас же сообразил, зачем Гольт заманил его сюда.

И, словно в подтверждение его мысли, Гольт продолжал:

— Мне кажется, Джек, что вы наш по духу! Не хотите ли стать нашим и на деле? Мы вам дали бы интересную работу. Вполне по вашему вкусу и способностям.

Джек усмехнулся.

— Что ж? Я не прочь!

— Ну, так, значит, по рукам! Выпейте еще пива! За ваше вступление в «Аранджи»!

Франк Гольт перед уходом из таверны представил Джека остальным присутствовавшим здесь аранджистам. Джек проделал эту церемонию довольно рассеянно и не обратил внимания на некоторые громкие имена, которые произносил при этом Гольт. Последний был очень почиттелен с двумя толстыми и шикарно одетыми немцами и, по-видимому, находился у них под началом. Одному из них он конфиденциально кивнул на Джека:

— *Der Junge ist sehr tüchtig*¹.

Джек понимал по-немецки, и эта рекомендация весьма польстила ему. Но настоящего смысла ее он не понял...

Прощаясь с Джеком, Гольт сказал:

— Вы славный малый, Джек, но только не врите так много! В нашей среде требуется абсолютная правдивость!

— Я вру? — изумился и немного обиделся Джек. — Да когда же?

— Ну, я, может быть, слишком резко выразился. Иначе скажем: не сочиняйте так много!.. Вроде вашей «Глорианы»...

— «Глориана» — вовсе не выдумка!

— Но, но, но!

— Честное же слово! Хотите, я вам покажу ее обломки? Ведь вы механик? Вы поймете, что это такое!

— Ну, ладно! — согласился Гольт. — Покажите мне ее при случае. Вообще, заходите как-нибудь ко мне. Мой адрес вы знаете. Я живу на самом заводе, в третьем корпусе. Приходите завтра! Нам еще надо о многом поговорить.

— Хорошо, непременно приду! — воскликнул Джек.

На другой день он был у Гольта и принес остатки «Глорианы»: поломанные рычажки с металлическими бляшка-

---

¹ Мальчик очень способный (*Прим. ред.*).

ми. Гольт бегло осмотрел ее. Очевидно, он все еще считал ее «блефом».

— Оставьте ее у меня, — промолвил он. — Посмотрю!

Гольт жил на широкую ногу. Квартира у него была отлично обставлена, так что Джек даже удивился, видя у него мраморный камин с бронзовыми часами, бархатные портьеры и мягкие кожаные кресла, словно в салоне океанского парохода. Эта обстановка как-то мало согласовывалась с положением и заработком рабочего, хотя бы и высококвалифицированного.

Джек пил чай, ел торт — не хуже, чем у Фата-Морганы. Гольт угостил его и настоящим араком и дорогими сигаретами. Джек думал: «Шикарно живут эти механики, черт возьми!»

Серьезных разговоров на этот раз не было. Гольт только сказал, что в ближайшем будущем Джеку придется заняться выполнением разных поручений. Джек ушел от него, несколько недовольный результатами визита. Впрочем, его всего более интересовало, как отнесется Гольт к «Глориане». Неужели он так и останется при своем убеждении, что Джек ему наврал? Самолюбие юноши было очень уязвлено...

После этого он не встречался с механиком три дня. Но вот однажды, пробегая с каким-то спешным поручением по двору, Джек услышал, как его окликнули. Он повернулся: его звал Гольт.

— Приходите ко мне сегодня после работы, — сказал немец, прищурясь с каким-то хитрым видом.

— Мистер Гольт дома?

— Дома! Войдите! — ответил за дверью голос самого Франка Гольта.

Джек толкнул знакомую дверь. За нею никого не было.

— Мистер Гольт? Могу я вас видеть?

— Я здесь! — раздалось в соседней комнате. Джек пошел туда. Но там не было никого.

— Вы где? — удивился Джек.

— Здесь!—послышался голос Гольта... —В передней!

В той самой передней, в которой Джек был мгновение назад. Он недоумевал. Но послушно прошел обратно в переднюю. Там никого не было.

— Мистер Гольт? — пробормотал он в смущении.

— Ну да! Идите сюда! Входите без церемонии!

Голос Гольта опять раздавался теперь в соседней комнате. Джек почувствовал, что творится что-то неладное. У него даже забегали мурашки по спине. Тем не менее, он прошел снова туда, куда приглашал его голос. Но к ногам у него словно были привязаны свинцовые гири...

— Здравствуйте, мистер Джек! — раздалось из угла. — Как вы поживаете? Почему у вас такой растерянный вид? Неужели вы меня не узнаете?

В углу было совершенно пусто. Джек мог бы поклясться, что там ровно никого не было, как не было никого и вообще в этой комнате.

— Вы меня не видите, Джек?

Джека вдруг осенило.

— «Глориана»!

— Именно! Она самая!

И перед Джеком появился смеющийся, довольный своим трюком Гольт с блестящей, так хорошо знакомой Джеку вилкой в руках.

Радость Джека поистине не знала границ. Гольт, обычно спокойный и сдержанный, хохотал во все горло, глядя на него.

— Ну вот, — сказал Гольт, когда первые восторги улеглись, — вы меня победили, Джек! В самом деле, удивительнейшее изобретение! К счастью, самое-то главное в аппарате осталось в целости — бляшки с составом, излучающим «незримость». Оставалось только спаять сломанные части и координировать. Берите вашу «Глориану»!

Джек пожал руку Гольту и от волнения не знал, как благодарить его.

— Ну, а теперь вот что! — продолжал серьезным тоном Гольт. — Положение вещей у нас очень улучшается благодаря вашей «Глориане». Мы можем делать с ее помощью

такие дела, о каких раньше и мечтать не могли бы! И в связи с этим на вас, Джек, будут возложены поручения гораздо более серьезные, чем предполагалось... А именно...

Джек весь превратился во внимание.

— А именно: вы и ваша «Глориана» будете с завтрашнего же дня «незримо» присутствовать на совещаниях правления синдиката северо-американских банков. А затем заходить к «Аранджи» и сообщать мне или министру Якобсону о том, что вы там видели и слышали.

— Вы мне, конечно, скажете, где находится этот синдикат?

— Скажу. Дело вот в чем: англичане и французы собираются занять у Штатов денег на продолжение войны. У них не хватает средств, а Штаты скоро захлебнутся в золоте. Американцы и ранее охотно нарушали нейтралитет, а ради такого случая, как выгодное помещение денег в многопроцентную ссуду, они нарушат его с особенным удовольствием...

— Нарушали нейтралитет? — спросил Джек. — Американцы?

— Ну да! Штаты под шумок заготавливают и отправляют в Европу великое множество вооружения и боевых припасов. Неужели вы думаете, что наш Массена работает на строго законном основании? Его деятельность самым преступным образом противоречит всем законам международного права. Ну, так вот! У нас принимают заказы для воюющей Европы, а воюющая Европа платит нам за это бешеные деньги. Деньги эти скапливаются в американских банках. И теперь их накопилось столько, что они прямо захлебываются в золоте. А Европа обнищала... Понятное дело, американским банкам выгодно ссудить эти лишние для них деньги европейцам. И вместо того, чтобы не давать им ни гроша и тем самым вынудить сумасшедшую Европу прекратить бойню, Америка побуждает ее еще больше транжирить на это преступное дело и залезть к ним в долги. Имеются сведения, что готовится колоссальный англо-французский заем. И заем этот будет реализован при участии почти всех наиболее крупных американских банков. Они образовали син-

дикат для этой цели. И во главе синдиката стоит сам Пирпонт Морган...

— Пирпонт Морган! — воскликнул Джек, и глаза его гневно сверкнули.

Гольт улыбнулся.

— Вот, вот! Ваш знаменитый приятель, которого вы так любите! Он вольет новые силы в эту ужасную бойню. Он даст золото, на которое будут убиты новые сотни и тысячи людей. Ибо ему, Моргану, это выгодно!..

— Негодяй! — пробормотал Джек.

Справедливость требует сказать, что, кроме сотен и тысяч влекомых на бойню людей, он сейчас весьма ясно представил Фата-Моргану, квартиру № 80 и элегантного господина, который отпирал дверь этой квартиры своим собственным ключом...

— Не правда ли, — промолвил Гольт, — прекрасный случай нам, пацифистам, вмешаться в это дело?

— Ну, еще бы...

— Значит, дело решенное! Вы будете информировать нас о совещаниях синдиката. Вооружайтесь вашей чудесной «Глорианой» и действуйте. У вас будут, конечно, прогулы на заводе, но это пустяки...

И, пожимая Джеку на прощание руку, Гольт многозначительно прибавил:

— Ну, а что будет дальше, увидим!

Джек летел домой, как сумасшедший. «Глориана» была опять с ним. Он опять мог совершать удивительные чудеса. Радость так переполняла его, что ему хотелось тут же, на улице, перевернуться колесом.

Он проходил мимо какой-то церкви. Около паперти собралась элегантная толпа и пытело несколько шикарных автомобилей. Это, очевидно, была свадьба.

По ступеням поднимался жених — высокий и тощий, как жердь. Он шел словно на ходулях. Джек зашел в церковь, чтобы поглядеть на него. Это был молодящийся старик с лошадиным лицом. Нижняя губа у него отвисала и болта-

лась, как у старой клячи. Жених направился к невесте, с видимым усилием переставляя ноги.

Джек взглянул на невесту и невольно ахнул: перед ним сверкала чистая и ясная молодость. Ей было лет семнадцать — не больше. Она походила на прекрасное, легкое облачко в своей фате и белом платье.

— Кто это? — спросил он соседа.

— Сэр Джошуа Филлипс! — почтительным тоном ответил тот (почтительный тон относился, конечно, не к Джеку, а к сэру Джошуа Филлипсу).

— Кто он такой?

На Джека высокомерно взглянули со всех сторон. И чей-то голос произнес:

— Он сделал полтора миллиарда. У него полтора миллиарда долларов.

— А сколько долларов у невесты? — поинтересовался Джек. Его не удостоили ответом.

Началась церковная служба. Пронеслось мощное дыхание органа. Пастор в белом галстуке произнес первые слова обряда. В толпе произошло легкое движение: все теснились вперед.

Джеку было все ясно: у невесты долларов не было! Молодость была принесена в жертву капиталу. И какая молодость! И какому капиталу! Одна губа у него чего стоила!

В голове Джека созрел мгновенно некий план.

Он нацепил «Глориану» и исчез. Никто из присутствующих не обратил, конечно, внимания на исчезновение какого-то дерзкого пролетария, затесавшегося в приличное общество. А Джеку только того и надо было!..

Он ловко вытащил у одной старой леди толстую булавку из ее шляпы. Шляпа слегка покачнулась и старая леди сильно заволновалась. Но Джеку не было до этого никакого дела.

Затем с булавкой в руке Джек пробрался вперед. Прямо перед ним стояли венчающиеся. И сзади каждого из них стояло по несколько шаферов и шафериц. Джек встал позади жениха, словно и он принимал участие в обряде.

— Во имя божие я совершаю священный обряд брако-

сочетания! — возгласил пастор. — Джошуа Филлипс! Желаете ли вы взять женою Эллен Грей?

— Да! — произнес сэр Джошуа.

— Эллен Грей! — продолжал пастор. — Желаете ли вы стать женою Джошуа Филлипса?

— Нет! — ответил за нее Джек.

Присутствующие переглянулись. Невеста скромно потупила глаза. Джошуа торчал, как верстовой столб, не шевелясь.

Пастор сделал вид, будто он ничего не слышал. И обряд продолжался.

— Джошуа Филлипс, обещаете ли вы хранить супружескую верность и любовь?

Джек просунул вперед булавку и ткнул жениха в то место, где спина теряет свое название.

— Обеща-ой!.. — екнул жених и дернулся вперед туловищем. Шафер, стоящий сзади него, поддержал его за локоть. Венчание продолжалось.

Джек вошел в азарт и кольнул его еще раз. Посильнее.

Сэр Джошуа Филлипс опять дернул, как строптивая лошадь, и вскинул голову кверху. Ему, очевидно, показалось, что у него разыгрывается ишиас, и страстно хотелось почесаться. Но светская выдержка взяла верх, и он снова замер в напряженно-деревянной позе.

Джек безжалостно уколол его еще, и еще, и еще раз.

Жених запрыгал, как паяц на веревочке. Шафера переглядывались. Невеста отвернулась. В публике разрастался сдержанный шепот. Кто-то сказал: «Сэр Джошуа болен». Джек продолжал колоть несчастного, разнообразя места поражения, но не отдаляясь от избранной им части тела.

Жених, наконец, не вытерпел...

Он затопал ногами и стал издавать какие-то лошадиные звуки. Потом лягнул ногой в сторону и попал в шафера, лягнул еще раз и оборвал вуаль у невесты. И вдруг схватился обеими руками за уязвляемую часть тела и, брыкаясь ногами во все стороны, застонал и заревел:

— О-ой! Иши-аас!.. о-ой!!!

Джек все колол...

Венчание пришлось прервать ввиду внезапного острого заболевания сэра Джошуа Филлипса. Началось смятение. Какой-то даме наступили на платье и порвали его. Кому-то отдавили ногу. Чуть не задушили в давке ребенка. Жених был в полной прострации: глаза у него закатились, губа почти совсем отвалилась от лица, ослепительно белый воротничок размок от пота, белый галстук развязался. Жених беспомощно висел на руках у шаферов, и они волокли его к выходу.

К паперти подкатил шикарный автомобиль. В него взвалили сэра Джошуа Филлипса и увезли домой...

Невеста сочла нужным упасть в обморок. Что же ей другое оставалось делать?

Кругом быстро собралась толпа. Говорили с ужасом о катастрофе, о внезапной кончине жениха. Какая-то старушка плакала. Какой-то тип в черных очках уверял, что жених пал жертвой отравы.

Джек снял «Глориану». Он испытывал глубочайшее удовлетворение.

На другой день, перед тем, как отправиться на заседание банковского синдиката, Джек встретился с Гольтом и не утерпел, чтобы не рассказать ему о вчерашней свадьбе.

— Да ведь это один из акционеров завода Массены! — расхохотался Гольт. — Что вы с ним сделали?

Но он спохватился и стал журить Джека за мальчишество.

— Я не для того исправил вам «Глориану», чтобы вы занимались такими выходками! У нас с вами великие задачи, и надо беречь «Глориану» для них.

— Но ведь я боролся с капиталом! — улыбнулся Джек.

— Надо бороться иначе!

Несколько повторных посещений синдиката в роскошном, принадлежащем Моргану дворце убедили Джека и «Аранджи», что слухи о предстоящем англо-французском

займе вполне соответствуют истине. Заем предполагался в 500.000.000 долларов. Американские банки проявляли величайшую предупредительность. На заседаниях присутствовал английский посол и сын старика Моргана, Джон Пирпонт Морган, в качестве главы банковского синдиката. Джек сразу узнал его. Действительно, это был тот самый джентльмен, который на его глазах явился в квартиру № 80 к Фата-Моргане. Джек питал к нему острую ненависть не только как к эксплуататору-миллиардеру, но и как к эксплуататору миссис Шельдон.

Франк Гольт ничего не знал о последнем обстоятельстве, но умело разжигал ненависть Джека на социальной почве. Он говорил юноше:

— Вот это-то и есть самый настоящий паук-буржуа! Старик, по крайней мере, хоть гнул спину, старался, работал, добывая свои миллиарды. А этот молодец с раннего детства не ударил пальца о палец, а между тем, тысячи рабочих рук и весь пот и кровь людей к его услугам. Жнет, где не сеял, собирает, где не рассыпал...

И в заключение Франк неизбежно повторял:

— А теперь в руках т а к и х людей судьба и жизнь миллионов безответных тружеников, которых гонят там, в Европе, на бойню!.. Да, чего доброго, погонят и у нас, в Америке!.. И вас, Джек, погонят!

— Ну, да, как бы не так! — сердился Джек.

В самом деле, подумать только, Джон Пирпонт Морган усядется в мягком кресле у Фата-Морганы, а его, Джека, посадит в окопы. И еще десятки тысяч других таких же Джеков, молодых, полных жизни, надежд, жажды счастья! Подумаешь, как легко таким типам распоряжаться чужой жизнью, сидя в кресле у камина! Нет-с! Молодые и жаждущие жизни люди, пожалуй, и готовы идти в бой, но только не на аркане у капиталистов, а против самих капиталистов.

Франк Гольт слушал эти горячие тирады и только одобрительно ухмылялся.

Последнее заседание синдиката было чрезвычайно оживленное и даже торжественное. Присутствовали все представители американских банков и разные высокопоставлен-

ные лица. Джек даже не знал, кто они такие, да и не интересовался этим. Его гораздо более занимала сама по себе махинация займа, в которой он, впрочем, с трудом разбирался. С особым, весьма недоброжелательным интересом относился он, конечно, и ко всему, что касалось лично Джона Моргана. Джек с большим трудом удерживался от смущавших его воображение выходов. Ему смертельно хотелось, пользуясь своей «Глорианой», побить надменного миллиардера. Но он удерживался от этого, памятуя наказ Гольта:

— Никаких эксцессов! Сидите, наблюдайте, слушайте, запоминайте! Ждите, когда придет время!

Представитель одной из фирм, секретарь синдиката мистер Дэвисон прочитал на последнем заседании доклад. Он выразил уверенность, что заем найдет благоприятный отклик во всей стране и в самое короткое время будет покрыт в несколько раз.

Секретарю поаплодировали. А затем встал сам Морган, напыщенный, с презрительно сытым выражением лица, и произнес речь.

Смысл ее (по крайней мере, так понял ее Джек) заключался в следующем: толпа не поживится на этом займе ни одним центом. Зачем разбазаривать выгодный заем среди каких-то типов, которые даже одного жалкого миллиарда никогда в глаза не видали! Нет, выгоды займа должны попасть исключительно в карманы к «порядочным людям», т. е. к таким, которые с миллиардами хорошо знакомы и знают в них толк, как в вине или сигарах. Недаром же составил синдикат банков. И недаром же он, Джон Пирпонт Морган, избран главой синдиката. И вот он, Джон Пирпонт Морган, провозглашает лозунг: «Ни единой облигации толпе! Все банкам! Все порядочным людям!»

Банки заорали: «Правильно!» — и все присутствующие «порядочные» люди устроили оратору овацию. И тут же была объявлена подписка на заем. На завтра было назначено последнее заседание для подписания договора о займе, а после него, там же, во дворце Моргана, — завтрак и раут.

— Для «порядочных людей»! — пробормотал Джек, сидя в амбразуре окна с «Глорианой». — Ну, а я, «непорядочный», тоже буду там! Приглашение можете мне не посылать! Я и без него явлюсь!..

Вечером он ел в «Аранджи» «бортш» и новое национальное кушанье «кольдун» и сообщал все подробности о сегодняшнем заседании Гольту и Якобсону — толстому немцу с золотой цепью на животе. Хозяин таверны шмыгал около них и прислушивался.

— Хорошо, — флегматично промолвил Гольт. — Будем действовать! Вам, Джек, придется сыграть завтра ответственную роль!

Якобсон молча кивнул головой, подтверждая это.

— Что я должен сделать? — спросил Джек, покраснев.

Гольт наклонился над столом и что-то написал на лоскутке бумаги. И затем передал Джеку. Джек прочитал:

«В случае подписания займа вы будете убиты!

“Глориана”».

— Что же это значит? — спросил юноша.

— Вы должны завтра утром перед раутом проникнуть к Моргану в кабинет и оставить у него на видном месте записку такого содержания.

— Но ведь заем все равно будет подписан!

— Тогда вы осуществите угрозу!

Джек побледнел.

— Бойтесь? — усмехнулся Якобсон.

— Нет, не то... — пробормотал Джек. Ему было неловко признаться, что ему жутко убивать человека. Поколотить, вздуть так, чтобы небо с овчинку показалось, — это было бы гораздо проще!..

Гольт и Якобсон, по-видимому, поняли его.

— Таким людям, как Морган, не должно быть места на земле! — сказал Якобсон. — В сущности, давным-давно следовало бы пустить его в тираж вместе с остальными четьрьмястами «порядочными людьми»!

Гольт со своей стороны сухо промолвил:

— Во всяком случае, Джек, вы связаны известной дисциплиной! И раз центральный исполнительный комитет «Аранджи» возлагает на вас поручение, вы обязаны его выполнить!

И, помолчав, прибавил:

— Нужно быть мужчиной, Джек!

И Джек, с таким удовольствием коловший булавками мистера Филлипса, решил, что ему в самом деле пора остепениться. Война войне! И смерть негодяям!

III

Автомобиль за автомобилем подъезжали к дворцу Моргана на Линкольн-Стрите; они въезжали в роскошную палатку, сооруженную у подъезда и декорированную экзотическими растениями. И случайные прохожие уже не могли видеть, кто вылезает из автомобилей и входит в грандиозный, отделанный мрамором вестибюль.

Из автомобилей выходили «порядочные люди», «сливки общества». Иначе говоря, сверхбогачи.

Мужчины были во фраках. Что касается женщин, то это была настоящая выставка платьев, мехов и драгоценностей. Людей, т. е. женщин, почти не чувствовалось за этим изобилием шелка, бархата, кружев, вышивок, жемчуга и бриллиантов.

Тут была настоящая царская корона, купленная у разорившегося монарха. Тут было платье, сплошь унизанное драгоценной турецкой бирюзой, подобранной зернышко к зернышку. Были платья, состоявшие из одних только кружев, а кружева эти плелись ручным способом целыми годами из таких тонких нитей, что работать приходилось в сыром помещении, ибо иначе тончайшие шелковые нити высохали бы и рвались во время плетения. Эти кружева стоили безумных денег. Они стоили также потери зрения,

заболевания туберкулезом, преждевременной смерти тому, кто их плел. Но эта цена, конечно, не шла в расчет...

Здесь были настоящие латы из золота, бриллиантов, рубинов и изумрудов. Драгоценные камни сверкали и искрились всюду, начиная с диадем и ожерелий и кончая туфлями. Бриллианты горели у некоторых щеголих даже во рту, так как считалось хорошим тоном пломбировать зубы драгоценными камнями.

Было здесь и манто, сделанное из тончайших перышков какой-то жар-птицы с Сандвичевых островов. Каждое перо имело форму лиры и горело яркими красками — малиновой, фиолетовой и зелено-золотистой. Манто «компоновал» известный художник, подбирая перышко к перышку чудесными арабесками в течение нескольких лет. Стоило оно более миллиона долларов и было застраховано в такую же сумму.

Некоторые обладательницы всех этих костюмов и нарядов приезжали с собачками. Дочь Моргана, мисс Люси Морган, воспользовалась сегодняшним раутом для того, чтобы устроить раут для собак. Четвероногих гостей встречали в отдельной приемной особые няни в белых передниках. Они раздевали «гостей», снимали с них дорогие вышитые и кружевные попоны и «каш-пущьеры» и сапожки. Некоторые собачки явились с зонтиками, прикрепленными к особому седлу на их спинах. Почти у всех собачек были особые кармашки с тончайшими носовыми платочками и... визитными карточками. Для избежания ссор между отдельными породами няни разводили и разносили их по отдельным комнатам, причем каждая комната была обставлена и снабжена всеми удобствами для данной породы.

Двуногих гостей встречали разодетые в шелку и золоте лакеи. Раздевшись в гардеробе, гости начинали торжественное восхождение по монументальной парадной лестнице. Лестница была сплошь устлана мягким ковром, в котором тонула нога. По обеим сторонам стояли, чередуясь с диковинными, собранными со всего света декоративными растениями, живые декоративные украшения: лакеи в национальных костюмах разных стран. Тут были негры, арабы,

малайцы, испанцы и т. д. Они стояли, не шевелясь, словно участники грандиозной живой картины...

На верхней площадке гостей встречал сам Морган с женой и дочкой. Здесь также толпилось множество лакеев. Они были одеты в камзолы и парики эпохи Людовика XIV. Среди них были специально приглашенные сыщики для охраны бесчисленных драгоценностей. Некоторые из дам, впрочем, явились со своими собственными сыщиками. Последние были во фраках и почти ничем не отличались от остальных мужчин. Но эти телохранители держались весьма скромно, в сторонке.

Морган пожимал каждому из посетителей (за исключением сыщиков) руку, и посетитель направлялся в салоны и исчезал в общей массе людей. И поток черных фраков, дамских туалетов и драгоценностей струился широкой волной, все более и более затопляя роскошные залы, облицованные мрамором, затянутые бесценными гобеленами и картинами.

Внимательный наблюдатель мог бы заметить на надменном лице архимиллиардера некоторую тень. Впрочем, это мог быть просто рефлекс или игра освещения...

Незримый и никому здесь не ведомый, Джек также поднимался по лестнице со своей «Глорианой». Он не без некоторого беспокойства поглядывал в зеркала, опасаясь увидеть в них свое отражение. Но зеркала отражали кого и что угодно, но только не Джека.

Он был в приподнятом, боевом настроении. Поручение он наполовину уже выполнил. Страшная записка попала в руки Моргана. Джек сам видел это. Он находился здесь, во дворце, еще с утра и проделал все, как по нотам. Он видел, как покраснело и побледнело презрительно-сытое лицо и как холодные руки нервно сжались и потом разорвали записку и швырнули ее в камин. Джек присутствовал потом и при торжественном подписании договора о займе. Договор был подписан. Морган не придавал большого значения записке с ее роковым предупреждением. Договор был под-

писан час тому назад. И теперь уже все было кончено. Капиталисты Старого Света получили возможность посылать новые толпы тружеников на верную смерть и калечение и покупать новые пушки и снаряды. И возможность эта торжественно праздновалась на настоящем рауте.

Для Джека наступала вторая половина его задания.

Он стоял около Моргана и нервно сжимал рукоятку браунинга. Когда? В какой момент? Сейчас, сию секунду? Или позднее?

Ненавистная физиономия «пожирателя людей» была так близко от Джека. Он различал даже тонкие синеватые жилки на висках его. Стоило только протянуть руку, нажать гашетку, — и все будет кончено...

У Джека занималось дыхание, сердце стучало со страшной силой и быстротой. Условия для совершения порученного ему деяния были на редкость удачными. Джек прекрасно знал, что за миллиардером сейчас следят несколько десятков внимательнейших глаз. Он отлично знал и даже видел, как в укромных местах за пальмами, за массивными вазами и статуями прятались переодетые сыщики и телохранители Моргана. Джек даже видел, как час тому назад начальник местной охраны самолично распределял этих людей по местам. Но что значили все эти сыщики и телохранители для вооруженного «Глорианой», незримого, неуязвляемого Джека? Джон Пирпонт Морган сделал все, чтобы позаботиться о своей безопасности. Но разве он мог знать, что сейчас рядом с ним все-таки стоит сама смерть? Стоит с заряженным револьвером в кармане. Стоит и смеется над сыщиками и над охранниками, которые так старательно пялят глаза на Моргана из-за пальм и статуй...

Джек сжал рукоятку и стал медленно вынимать браунинг из кармана.

Но в этот момент внизу на лестнице произошло что-то особенное и, по-видимому, забавное. Джек взглянул туда, по тому направлению, откуда слышался оживленный разговор и сдержанный смех. И едва не расхохотался.

По лестнице поднималось странное и забавное трио.

Впереди шел высокий, упитанный человек с синеватой,

бритой физиономией, трагически опущенными углами крупных губ и пышной черной шевелюрой. В нем было что-то особенное, какой-то удалый размах, совершенно чуждый большинству гостей, чопорных и прилизанных. Глаза у него сверкали из-под густых бровей, нервное лицо дышало страстью.

За ним медленно пробирался, ковыляя со ступеньки на ступеньку, неуклюжий, толстый карлик с широкой и крайне подвижной физиономией, которая поминутно складывалась в уморительнейшие гримасы. Карлик вел за собой на золотой цепочке маленького, толстого и неуклюжего слоненка.

Это шел знаменитый певец Арнольди со своей известной всей Америке свитой: карликом Мими и слоненком Марфи. Арнольди получил их в дар от магараджи Пенджаба во время своей последней поездки по Индии.

Смех, восклицания, восторженный шепот приветствовали его появление. Сам Морган улыбнулся певцу и погладил Марфи по жесткому загривку. Дочь Моргана устремилась к слоненку и повела его в особую, приготовленную специально для него комнату.

Арнольди с величайшим пренебрежением пожал руку миллиардера и направился своей качающейся походкой в салон, где его сразу окружили женщины.

Джек опустил браунинг обратно в карман: настроение было потеряно. Его душил смех и ему страстно хотелось еще поглядеть на карлика и слоненка. И он решил отложить экзекуцию над Морганом.

Джек отошел в укромный угол за пальмами и снял «Глориану».

На нем был шикарный фрак и белый галстук, и в этом костюме красивый и статный юноша походил на сына любого из миллиардеров. Более того: какая-то пышно разодетая леди с бриллиантами на голове, в ушах и на руках сказала своей соседке, когда Джек проходил мимо:

— Это, кажется, туркестанский наследный принц! Сов-

сем еще мальчик!

Джек, равно как и леди, не имел никакого представления ни о Туркестане, ни о туркестанских правителях. Замечание леди слегка польстило ему, но в то же время и обидело его: правителей и монархов Джек презирал... Но с какой стати они называли его мальчиком? Что за вздор! Джек вовсе не считал себя мальчиком!

«Туркестанский принц» смешался с толпой гостей и по анфиладе громадных, блестящих зеркалами, бронзой и мрамором зал попал в столовую. Это был настоящий храм в стиле знаменитых древнеегипетских храмов, которые вырубались в целой скале вместе с порталом и колоннами.

Окон не было. Свет снаружи проникал через огромное прямоугольное отверстие в уходившем в высь потолке. Отверстие было затянуто прозрачной красной материей, и из него лился багровый фантастический отсвет на верхние части колонн, которые окаймляли всю залу, оставляя за собой широкий проход вокруг всей столовой. В этом проходе смутно белели все с тем же багровым оттенком обеденные столы, уставленные цветами и поблескивавшим хрусталем. По четырем углам столовой возвышались гигантские треножники с чашами, и в них горело пламя, танцующее и высоко вскидывая огненные языки. И в этом танцующем блеске на полутемных стенах то появлялись, то исчезали фигуры древних божеств со странными, угловатыми членами тела, в высоких шапках, с цветком или птицей в руках.

Это был настоящий храм. Не хватало только божества.

Впрочем, и божество нашлось — это был «Золотой Телец», воплощенный в Моргане.

Приглашенные были немного смущены непривычной обстановкой и полумраком. Джек даже подумал: «А как они будут есть в такой темноте?» Но вдруг весь зал вспыхнул тысячью невидимых электрических ламп. И в этом сиянии потонуло слабое мерцание красного прямоугольника наверху и прыгающее пламя светильников на треножниках.

И в то же мгновение скрытый оркестр грянул торжественный марш-увертюру. Раздался смутный говор восхищенных этим сюрпризом гостей и все стали рассаживаться по

местам. Все столовые приборы и посуда были из чистого серебра и золота. Большой стол в середине столовой был завален целыми горами орхидей, роз, ландышей. Джек и не подозревал, что в виде этих цветов здесь валялись целые капиталы.

Джека разбирало любопытство: что будут кушать все эти «дети счастья» за столом великого хищника-миллиардера? У него самого, грешным делом, разыгрался аппетит. Но Джек считал совершенно недопустимым воспользоваться хотя бы единым куском со стола Моргана. Наблюдать, исследовать, — это другое дело.

Так как все места были именные, а Джек, понятное дело, не состоял в числе приглашенных, то ему места за столом не оказалось. И он поспешил поэтому снова нацепить «Глориану».

Он пошел для этой цели в уголок в соседнюю залу. По дороге ему опять попала леди с бриллиантами на всех частях тела. Она с любезнейшим видом обратилась к Джеку по-французски:

— Не правда ли, какой превосходный праздник, *cher prince*?

— Я не говорю по-египетски! — смущенно пробормотал Джек и уклонился от нее.

— Какой оригинал! — вздохнула дама и уселась, шурша своим шелковым платьем, за маленький столик за колоннадой.

Джек проворно нацепил свой чудесный аппарат и отправился обратно в столовую. Он жалел, что ответил даме по-английски. Нужно было бы сказать хоть пару каких-нибудь совсем ни на что не похожих слов, раз его считают каким-то индостанским или туркестанским принцем. Это было бы очень смешно!

Оркестр на невидимых хорах играл медленную и нежную мелодию. Лакеи в древнеегипетских костюмах, — в длинных рубахах и сандалиях, с запястьями на руках и металлических обручами на голове, темнокожие и стройные (это были настоящие арабы и копты, привезенные из Египта), — разносили блюда. У Джека разбежались глаза при виде

всех этих сокровищ кухни миллиардера.

Половину из этих кушаний он не мог определить: что это такое? Тут были какие-то соусы всевозможного цвета, сэндвичи в виде пирожных, рыба и мясо, похожие на фрукты. Но благодаря своим прежним галантным похождениям с Фата-Морганой Джек все-таки кое в чем разбирался и удивлялся роскоши и изобилию этого поистине валтасарова пиршества.

подавали настоящую русскую икру-малосол. Около монументального буфета на особой резной подставке стояла серебряная бочка, полная доверху икрой. «Египтяне» черпали оттуда и накладывали ее большими ложками на серебряные тарелки, и гости с жадностью и любопытством набрасывались на редкое и вкусное кушанье. Бочка заметно пуста. Джек с отвращением бормотал:

— Ну и жрут! Можно подумать, что они семь дней ничего не ели!

Потом появились колоссальные рыбы на огромных длинных блюдах, обложенные разноцветным гарниром. Затем кровавые горы дымящегося ростбифа, приехавшие в столовую на особых тележках. Потом блестящие кастрюльки с ворчащими в масле бекасами и перепелами. Бледные стебли спаржи смешивались с пылающими огненно-красными фигурами омаров и лангустов, огромные торты и шо-фруа чередовались перед глазами Джека с глазастыми и источающими слезы сырами. Ломти ветчины краснели, словно языки розового пламени, на блюдах. Горы горячих, дымящихся пирожков и тарталеток, горы розовых креветок в вазах, вороха бисквитов и конфет, — все это соединялось в глазах Джека в какой-то фантастический калейдоскоп. А сверху всего цвели и пылали яркими красками огромные корзины и вазы всевозможных фруктов. Ананасы, апельсины, громадные сладкие лимоны, полосатые дыни, темно-красные манго, громадные пышные персики и грозди винограда всех цветов и оттенков, и размеров, и форм... Можно было подумать, что весь земной шар послал сюда свои сокровища своему владыке — Джону Пирпонту Моргану, миллиардеру, который сумел поработить огромное число

работающих полуголодных и совсем голодных людей и загребал их многострадальными руками бесконечные миллиарды и бесконечные сокровища земли...

И все эти дары земли поедались. Нет, они пожирались многочисленными человеческими ртами и таяли и испарялись с невероятной быстротой, как таяло мороженое и кремы, как испарялось драгоценное вино в искрящемся хрустале...

Джек наблюдал с особым вниманием, как едят эти люди.

Он так часто видел трапезы бедняков. Он видел, с какой благоговейной сосредоточенностью они приступают к хлебу и осторожно ломают его, чтобы не упали на пол драгоценные крошки. Он видел также, как торопливо, не обращая внимания на вкус и качество еды, насыщаются спешно занятые работой люди.

Здесь было совсем не то.

Здесь не ели. Не насыщались. Не питались. Здесь о б ж и р а л и с ь.

Вот этот джентльмен, например, очевидно, уже давно сыт по горло: ему тяжело дышать, глаза у него сузились, лоб покрылся испариной, и на голом из-за лысины темени блестят капельки. Но он все-таки ест и ест. Ему, очевидно, просто интересно испытать как можно больше разных вкусовых ощущений.

Другой джентльмен ест торопливо, накидываясь на каждый кусок. Он смотрит только на еду и видит только ее одну. Но по временам оглядывается назад, словно боясь, что лакей сзади отнимет у него пищу. И, расставив локти, каким-то инстинктивным жестом охраняет ее... Это хищник-живоглот!

Вот красивая блондинка в бриллиантах. Она откусывает кусочек какого-то очень сложного сэндвича и рассматривает его со всех сторон с такой любовью, словно это любимое, дорогое существо. Потом медленно жует, смакуя его. И глядит в пространство мечтательным взором: там ей мерещатся какие-то небывалые кушанья, каких здесь нет и каких на свете совсем не бывает. Это мечтательница, поэ-

тесса еды...

Одна еда сменяет другую. В промежутках между солидными, сытными кушаньями подают овощи, салаты и т. п. Это необходимая передышка для того, чтобы перейти от одного «серьезного» кушанья к другому. Иначе, никакой желудок не выдержит этой горы мяса, рыбы, жиров, теста.

Джеку стало противно,

Ему захотелось взглянуть на собак, на слоненка Марфи, на кого угодно, только не на этих жадных двуногих, именуемых по недоразумению людьми.

То снимая, то снова одевая, смотря по обстоятельствам, свою «Глориану», Джек прошел по бесконечным апартаментам, пробираясь к собачьему рауту мисс Морган. Не зная дороги, он путался в лабиринте зал и гостиных, попадал в какие-то коридоры, на лестницы, в галереи, увешенные громадными картинами и музейными редкостями. Всюду навстречу ему попадались лакеи в ливреях и «любезнательные» господа во фраках, не принимавшие участия в пиршестве. Джек старался избегать их, но они смотрели на него чрезвычайно ласково и пытались оказать ему услуги. Очевидно, и до них дошла легенда о туркестанском принце. Джек вспомнил эту легенду и, сразу почувствовав себя в безопасности, перестал «исчезать». Он понял, что сыщики считали своей священной обязанностью охранять от покушений не только Джона Пирпонта Моргана, но и его высокопоставленных гостей, а в том числе и его высочество наследного туркестанского принца...

Джеку хотелось спросить, как пройти к мисс Морган. Но он не мог решить, на каком языке приличнее обратиться — на английском или туркестанском. По-туркестански было бы шикарнее, но, черт возьми, что это за язык такой?

Джек остановился в нерешимости посредине великолепного апартамента. К нему тотчас же подошел «любезнательный» господин.

— Что угодно вашему высочеству?

Джек с удовольствием подумал: «Ага, я не ошибся! Эти действительно подслушали, как та леди назвала меня принцем!»

Он важно произнес:

— Мао кра сигу!

По-«туркестански» это должно было означать: «Покажите мне дорогу к слоненку!» Сыщик подумал с минуту и... понял эти слова немного иначе.

— Благоволите следовать за мной, ваше высочество!

«Ишь, какой понятливый! — с удовольствием подумал Джек. — Ведь догадался! Молодцы все-таки эти сыщики!»

Господин во фраке провел Джека через две комнаты и свернул в узкий коридорчик.

— Здесь, ваше высочество! — произнес он конфиденциальным тоном, приоткрывая маленькую дверь.

Джек заглянул туда и ухмыльнулся, потрепав догадливого сыщика по плечу:

— Ни! (По-туркестански это означало: «нет»).

Сыщик сконфузился:

— Простите, ваше высочество!.. Я не понял вас. Но, в таком случае, куда же?..

Джеку хотелось перестать ломаться и спросить на честном английском языке, как пробраться к животным. Но теперь это было уже поздно. Если он вдруг заговорит теперь по-английски, сыщик придет в изумление, заподозрит неладное, и Джека арестуют. Нет, уж лучше оставаться «туркестанцем»! Но в какое дурацкое положение Джек поставил себя своей выходкой! Как теперь быть?

— Кмо менге араутру чуфикчи? — важно произнес он.

Его вожатый напряженно таращил глаза, стараясь уловить хоть какой-нибудь смысл в этих таинственных словах. Ничего не поняв, он кивнул, подзывая, лакею. Тот подошел и почтительно вытянулся.

— Бурру марру мао-вао! — сказал Джек с раздражением.

Сыщик тихо спросил лакея:

— Как ты думаешь, что такое мао-вао?

— Право, не знаю! — смущенно пробормотал лакей.

Джек подумал: «Черт возьми, я и сам не знаю, что это

значит! Не уйти ли мне от этих дураков и не обратиться ли мне по-английски к кому-нибудь в других залах, где меня еще не знают?»

Но тут же ему пришла мысль, что ловкие сыщики, наверное, уже по всему дому распространили превратное толкование о Джеке, подслушанное у глупой леди. Теперь, куда ни сунься, его везде сочтут за принца. Да, вероятно, уж всем известно и то, что он говорит только по-«туркестански»! Нет, ничего не поделаешь! Приходится выкручиваться из нелепой истории самому.

— Мао-вао! — гневно крикнул Джек.

Сыщик испуганно зашептал лакею:

— Беда с этим татаринном! Ничего не понимает по-нашему! Ну, что я с ним буду делать?

— Да, что делать? — задумчиво произнес лакей. — Этот нехристь попросту отбился от компании. Ушел из столовой, а обратно попасть не может. А жрать охота! Отведите его туда, и вся недолга!

Джек гневно сжал кулаки. Но ничего не поделаешь: он не должен был понимать эти непочтительные слова.

— Благоволите следовать за мной, ваше высочество! — обратился к нему с низким поклоном сыщик.

И Джек соблаговолил следовать за ним... а ему так хотелось попасть к животным!

Но не успели они пройти двух салонов, как до ушей Джека донеслось звонкое тьяканье нескольких собачонок. Он остановился и радостно воскликнул:

— Вау-вау!

Его вожатый ослабил:

— Собачки? Вы к ним желаете, ваше высочество? К мисс Люси Морган?

— Ю-ю! — обрадовался Джек. — Барра морра тарам!

Это было необычайное зрелище: около дюжины собачонок сидели на вышитых подушках около огромного стола, застланного дорогой скатертью, усыпанного цветами и заставленного блюдами. Сзади собачек стояли лакеи и уго-

щали их. На собачках были великолепные ошейники и хомутики. На многих ошейниках сверкали драгоценные камни. И все это собачье стадо вело себя прилично, не грызлось, не бегало по столу. Животные были сыты и ели мало в противоположность сытым, но вечно жадным людям. В углу залы дружески боролись пинчер и фокстерьер и бегали вокруг стола, скользя по гладкому паркету. Их звонкое тьяканье и указало Джеку дорогу сюда.

Джек поиграл с ними и прошел далее. В одной из соседних комнат он нашел и Марфи.

Слоненок сидел за маленьким столом насупротив карлика и угощал его бананами. Он с медленной тщательностью очищал ломтики банана и протягивал их хоботом своему приятелю прямо в рот. Карлик подхватывал банан, съедал его и корчил такие гримасы, что Джек не мог удержаться от смеха.

Он присоединился к ним. И Марфи сейчас же очистил ломоть банана и протянул его Джеку. Джек был в восторге. Положительно, звери были неизмеримо благороднее и милее людей... тех людей, которые там, в капище Мамона, обжирались по горло...

...Джек испуганно вскочил на ноги.

Где-то звонко пробили стенные часы. Четыре часа! Он уже более часа сидел здесь со слоненком, он забыл о Моргане, о парадном торжестве по случаю подписания кровавого займа и о своем поручении... Вдруг там уже все кончилось?

Он торопливо вышел в соседнюю комнату. Там было пусто. Как же теперь добраться до столовой по бесконечному лабиринту этого заколдованного дворца?

И вдруг что-то ударило Джека в самое сердце. Где «Глориана»?

Он судорожно схватился за карман. «Глорианы» не было. Это было настоящее бедствие.

Что же теперь делать? Бежать отсюда домой? Отказаться от задания, от убийства злодея? Нет! Этому не бывать!

Джек не из тех, которые малодушно отказываются от опасного и даже смертельного предприятия только потому, что оно опасно!

Браунинг был с ним. И Джек решительными шагами пошел навстречу своей судьбе, сжимая в кармане роковую рукоятку. Ему было ясно, что не только дни Моргана сочтены, но сочтены дни и его самого, Джека. Ему ни за что не скрыться, не уйти после убийства, а там история известная: его будут судить, а потом электрический стул.

«Глориана», «Глориана»! Коварная «Глориана»! Где и как она ускользнула от Джека? Какая неосторожность, какая небрежность с его стороны! И после стольких предшествовавших историй в этом же роде!

Джек шел наудачу по залам. Опять навстречу ему попадались низко кланявшиеся, расшитые и раззолоченные лакеи, но он все еще не решался заговорить по-английски и спросить их, как пройти в столовую.

Вдруг из-за двери появился улыбающийся прежний гид Джека:

— А я все ищу вас, ваше высочество, — любезно промолвил он, — чтобы проводить вас в столовую... пожалуйста.

Джек покосился на его руки. Что это такое? Не обманывают ли его глаза? В руках сыщика сверкает что-то металлическое, блестящее. Ах, неужели?

— Это не вы изволили потерять, ваше высочество? — спрашивает с низким поклоном сыщик.

— Мао-бао бортш кольдун! — бормочет Джек, не помня себя от радости. Милая «Глориана»! Снова все устроилось. Джека не арестуют: «Глориана» с ним! Но какие ловкачи все-таки эти сыщики!

Уже доносятся звуки оркестра. Теперь Джек сам найдет дорогу. Ему нужно незаметно нацепить «Глориану» и исчезнуть, не возбуждая своим исчезновением подозрения. Но как это сделать? Этот телохранитель вбил себе в голову, что ему необходимо неотступно следить за Джеком. Это уже совсем излишнее...

Джек свернул в сторону, в коридор и стал озираться, нет ли поблизости спасительной маленькой дверки.

Ура! Дверка оказалась, и Джек устремился туда.

Телохранитель скромно отошел в сторону. Джек скрылся в уютном помещении, нацепил аппарат, убедился в зеркале, что он радикально исчез для человеческого зрения, и спокойно вышел обратно.

Сыщик видел, как дверь открылась и снова затворилась. Но, так как никто оттуда не появился, то он не придал этому явлению особого значения. И остался поджидать «принца».

А «принц» уже на всех парах устремлялся в столовую.

Завтрак кончился. Гости перешли в соседний салон и залу. В зале были расставлены широким амфитеатром мягкие кресла, и сытое человеческое стадо расселось слушать концерт.

Пел Арнольди.

Джек еще никогда в жизни не слышал такого пения. Это было совсем не то, что опера с идиотами, которых не поймешь, о чем они поют: бранятся или объясняются в любви?.. Здесь Джек понимал все: знаменитый певец пел по-английски. И пел так, что каждое слово падало, словно отчеканенная звонкая монета. И с такой силой страстного убеждения, сарказма, негодования, что у Джека пробежали мурашки по спине.

Арнольди пел куплеты о золотом тельце из «Фауста»:

Ради роста капитала
Чем пожертвовать нельзя?
И двуногая свинья
Топчет в грязь все идеалы
И под гимны в честь любви
Топит ближнего в крови!..

Это был смелый, даже дерзкий вызов присутствовавшим здесь двуногим свиньям, золотым тельцам и денежным мешкам, которые только что подписали кровавый договор с европейскими двуногими свиньями о новом потопплении в крови своих ближних в грохочущем океане великой войны... Певец никого и ничего не боялся: он видел, как у

его ног ползает это человеческое стадо, и бесцеремонно хлестал его бичами сатиры.

И стадо тельцов благосклонно внимало ему и аплодировало. И вряд ли даже доходило до их сознания, что великий певец поет о н и х с а м и х и хлещет их прямо по сытым физиономиям. Помилуйте, с какой же стати? Ведь это просто куплеты из всем известной оперы! Куплеты знаменитые и очень хорошие. Все известные певцы поют их, и никто никогда не обижается...

А Джек понимал. Джек видел насквозь замысел певца и читал в его огненных, черных, мечущих молнии глазах злобные и справедливые мысли. Да, ужасный заем подписан! Да, деньги, бесчисленное количество американских денег пойдет на утопление людей в крови, а эти проклятые деньги сами выйдут целыми и невредимыми из потоков огня и крови и лишь наплодят еще горы новых денег для сидящих здесь двуногих свиней.

Джек окинул взглядом всю залу. Он искал своего врага, и нашел его. Джон Пирпонт сидел на противоположном конце залы, позади Арнольди. Беспокойные и усердные глаза сыщиков глядели на него из всех углов. Около него вертелись два субъекта во фраках. В одном из них Джек узнал своего бывшего гида, которому, вероятно, надоело ожидать его у маленьких дверей...

Джек расхохотался и подумал: «Этот дурак должен был охранять Моргана от меня... А он сам привел меня сюда. Я потерял “Глориану”. Без нее я пропал бы! А этот болван нашел ее и вручил мне... О, идиоты!»

Певец пел:

Пенье, пляски, шум и гам —
Сатана ликует там!..

Раздался сухой и отрывистый выстрел.

Морган схватился с недоумевающим видом за грудь, оглянулся, и на его надменном, застывшем от горделивого чванства лице мелькнула тревога и ужас.

Потом он опустился на кресло. Никто еще ничего не по-

нимал. Поняли лишь сыщики. Они бежали к упавшему владыке миллиардов, бежали куда-то за доктором, за помощью, бежали ловить неведомого убийцу, которого они прозевали.

И вдруг всех присутствовавших точно прорвало. Человеческое стадо заволновалось, завопило, заметалось в ужасе и смятении. Миллиардер лежал на ковре с окровавленной грудью. Кругом него и над ним толклись искаженные лица, кричали перекошенные рты. Кто-то кричал: «Держи! Лови!»

Джек почти без памяти выскочил из залы и бросился бежать вниз по мраморной лестнице. Он был охвачен страшным волнением. Он убил кровопийцу. Убил своей собственной рукой. У него все вертелось в голове. Но он твердо знал одно: Морган убит. Данное ему «Аранджи» поручение выполнено.

Задыхаясь, он сбежал вниз, в вестибюль и остановился, чтобы перевести дух. От нечаянного толчка «Глориана» отцепилась и упала на ковер. Джек помертвел от страха. Его увидели. Его схватят, арестуют, убьют на месте!

Никто не думал хватать его. Но его действительно увидели. К нему подскочил опять все тот же любознательный сыщик и взволнованно заговорил, как с ребенком, нуждающимся в опеке, покровительстве, утешении:

— Испугались, ваше высочество? Ничего! Теперь уже не опасно: злодейку уже поймали. Она уже арестована! Желаете домой, ваше высочество? Извольте одеваться, ваше высочество! Где изволите пребывать, ваше высочество? В каком отеле? Я сейчас позову ваш автомобиль!

Он проворно накинул на Джека чье-то великолепное пальто и выбежал наружу:

— Автомобиль его высочества принца туркестанского!
— крикнул он.

Увы, такого не оказалось!

Джек хотел незаметно прокрасться за его спиной и убраться подобру-поздорову. «Глориану» неловко было нацеплять на глазах у людей... Но сметливый охранник догадался: шофер его высочества порядочный нахал, он, очевид-

но, уехал куда-нибудь, не дождавшись своего высокого хозяина. Эти шоферы постоянно позволяют себе выкидывать такие штуки! Значит, надо позвать наемный таксомотор пошикарнее...

Таксомотор подъехал. Джеку не было никакого спасения. Охранник вел его под руку и усаживал в карету. И, наклонясь над ним, ласково спросил:

— Отель «Континенталь», не так ли, ваше высочество?

Джек пробормотал какую-то неудобопроизносимую туркестанскую фразу и покатил в отель «Континенталь».

«Черт возьми, вот так история! — думал он. — Надо удирать!»

Его беспокоила и другая мысль. Охранник сказал, что злодейку поймали и она арестована. Какая злодейка? Что за чепуха? Кто им попался под руку вместо Джека?

Автомобиль остановился около огромного здания. Приехали.

Джек надел «Глориану» и вышел. Шофер с недоумением глядел на открывшуюся и закрывшуюся дверку кареты. Где же высокопоставленный пассажир, от которого ожидал хорошее «на водку»?

Пассажир, по-видимому, сидел в автомобиле. Спал он там, что ли? Или, чего доброго, умер?..

Шофер слез со своего места, открыл дверцу и заглянул внутрь.

Там никого не было. А на сиденье лежало пальто.

Поймите ужас шофера!.. Пассажир исчез, а пальто осталось.

Джек со всех ног улепетывал к себе на квартиру.

Торопливо переодевшись, он побежал к Гольту. Его не оказалось дома. Джек направился в «Аранджи». Там были все свои, завсегда, и хозяин вертелся, как всегда, около них и прислушивался к разговорам, сам не принимая в них участия. Был тут и Франк Гольт.

Джек ворвался, как буря, и крикнул:

— Он убит!

Гольт неторопливо повернулся к нему.

— Он жив!

Джек остолбенел.

— Как жив? Я же убил его... Я стрелял в него...

Подошел важный немец. Подошел хозяин.

— Мы уже знаем все, — сказал немец. — Вы промахнулись! Морган получил неопасное поранение. Нужно было сделать несколько выстрелов... Выбрать более подходящий момент.

Джек почувствовал, что вокруг него сгущается атмосфера недоброжелательности и недоверия. Не доверяли его силам, его решительности. Были убеждены, что он трусил или просто пожалел миллиардера. Франк Гольт молчал, и Джек расшифровывал это молчание так:

«Глупый мальчишка! Жаль, что я сам не пошел на это дело!»

Джеку захотелось оправдываться, выказать себя в лучшем свете.

— Это ничего не значит! Я все равно убью его!

Гольт в ответ пожал плечами. Молчаливый хозяин ухмыльнулся. Джек в первый раз почувствовал себя здесь чужим и ненужным человеком.

IV

История о загадочном покушении на убийство Моргана долго волновала все общественные круги. Странно было то, что преступника так и не могли найти, хотя был сверху донизу обыскан весь дворец и производилось тщательнейшее полицейское расследование. Та «негодяйка», которую на первых порах схватили, оказалась помощницей кастелянши, только что поступившей на место. Ее тотчас же освободили. Джек потом догадался, почему прежде всего схватили женщину: ведь роковое предупреждение было написано «Глориана»... Очевидно, охранники все глаза проглядели, наблюдая за женщинами, и первой мыслью у всех было, что в Моргана выстрелила какая-то мисс или миссис

Глориана.

Газеты посвящали загадочному покушению целые столбцы. Помещались огромные биографии Моргана: в националистических газетах — чрезвычайно почтительные, в социалистических — довольно иронические. Во всех газетах красовались портреты пострадавшего. С большим удовольствием газеты поместили бы и портреты виновника, т. е. Джека, но, к сожалению, это было невозможно... Джек думал: «Почему бы не поместить рамку с пустым местом и подписью: «Портрет убийцы мистера Моргана: убийца изображен таким, каким он был в момент убийства, т. е. невидимым для человеческих глаз!» Какой забавный был бы трюк!

Почти все газеты высказывали мнение, что покушение на Моргана — дело рук немецких агентов. Началась антигерманская пропаганда, перешедшая вскоре в настоящую травлю всех немцев. Джека два раза едва не поколотили, узнав, что его фамилия Швинд. Франк Гольт был очень озабочен, и Джек знал, что он почти не бывает у себя дома и занят какой-то новой работой вне завода. Изредка сталкиваясь на минуту с Джеком, Гольт почти не разговаривал с ним. Очевидно, он не мог простить Джеку его неудачи.

Джека самого эта неудача огорчала. Он страшно досадовал, что плохо прицелился в Моргана и поддался потом какому-то нелепому паническому настроению: вообразил, что миллиардер убит, и бросился бежать вместо того, чтобы выстрелить еще, еще и еще раз... Ведь он был невидим и, стало быть, находился в полнейшей безопасности. Ясно, что агенты стали бы хватать кого угодно, хоть своих же товарищей, но только не его.

Джек предлагал Гольту в первый же день после убийства:

— Дайте мне денег! Я поеду за Морганом в Нью-Йорк и убью его там!

Гольт сухо ответил.

— Не нужно! Там у нас имеются свои агенты.

Напуганный миллиардер действительно в тот же день в своем собственном роскошнейшем вагоне уехал в Нью-

Йорк и, оставив впредь до выздоровления все дела, поселился в окрестностях города, на берегу Гудзона, в фантастически-пышном имении. Там его охраняла целая рота своей собственной полиции с пулеметами, ручными бомбами и прожекторами. Попасть туда даже невидимке теперь было бы не так-то просто уже по одному тому, что имение было оцеплено колючей проволокой, заряженной сильным электрическим током. Правительство Штатов заботится о своих миллиардерах и разрешает им эти привилегии, недоступные для простого смертного.

Однажды Гольт встретил Джека на заводском дворе и спросил:

— Аппарат цел?

— Вполне! — ответил Джек, заинтересовавшись этим вопросом.

— Действует?

— Как и прежде!

— Отлично! Зайдите сегодня ко мне. Необходимо переговорить!

Джек пришел в отличное настроение духа. Его давно уже тяготило проявляемое к нему пренебрежение. Вместе с тем, его немного волновала мысль: какое теперь ему дадут поручение?

Гольт встретил его равнодушно¹. Об «ошибке» Джека и речи не было. Механик начал беседу сообщением о новых военных бедствиях и ужасах в Европе.

— Целые корпуса войск расстреливаются в течение нескольких часов. А вы представляете себе, Джек, какая это масса людей — воинский корпус? Земля пропитывается кровью до такой степени, что кровь потом уже не просачивается в землю, а стоит болотом, в котором тонет нога. Иногда целые полки погибают, едва выйдя из вагонов и еще не успев принять участие в бою. Трупов так много, что иногда их просто собирают в целые горы, поливают нефтью и жгут, по-

---

¹ Так в тексте. Возможно, должно было стоять «радушно» (*Прим. изд.*).

тому что похоронить нет никакой физической возможности. А когда их жгут, то гонят под выстрелы новые тысячи и тысячи людей. И так без конца. Кто-то сказал, что война, — это самоубийство человечества. Это так и есть: человечество кончает с собой самоубийством. Но делает оно так не по своей воле, а по приказу капиталистов, которым нужна кровь бесчисленных и безымянных крестьян и рабочих. Для королей угля и железа лучшая нажива — война. А такая война, как нынешняя, сделает из них настоящих королей, которым все европейские монархи будут лизать пятки...

— Что же делать? — тоскливо спрашивал Джек.

— Что делать? Бить по войне! Бить по капиталу, по углю, по железу! Бить по всему, что кормит и поддерживает бойню! Наш Массена выделяет снаряды. Душить Массе-ну! Хотя бы ценой потери нашего заработка...

— Взорвать завод? — спросил Джек, чувствуя, что у него зашевелились мурашки по спине. Он уже представил себе, как он, Джек, облеченный полномочиями от «Аранджи», прокрадывается с зажженным фитилем к складу пироксилина. Но что тогда будет с «туркестанским принцем»? Останется ли от него хоть пуговица? Джек, в общем, был не прочь взорвать хоть десяток заводов, но только чтобы все-таки осталось хоть какое-нибудь «продолжение в следующем номере», а не один обгорелый каблук.

Гольт возразил:

— Нет, это пока излишне! Но мы хотим организовать забастовку.

— Это хорошо! — похвалил Джек. — Я уже участвовал в забастовке: в питтсбургской. И очень удачно.

— Отлично! Но у нас дело предстоит посерьезнее. Правительством теперь относятся к забастовщикам гораздо строже. Поэтому нам необходимо запастись, кроме денег и запаса мужества, также и оружием. Весьма вероятно, что дело дойдет до вооруженного столкновения... Денег у нас будет достаточно. Но оружия... Вот тут-то нам и понадобится ваша помощь и ваша «Глориана».

— Что ж? Я с величайшим удовольствием!.. — воскликнул Джек.

— Нам надо исподволь запастись револьверами и винтовками, а начнем вот с чего: завтра вы отправитесь с вашим аппаратом в военное министерство, — я вам укажу куда, — и добудете ордер на получение оружия. Только ордер. А само оружие буду добывать и доставлять к нам в склад уже я сам. Для этой надобности вы мне отдадите на время «Глориану»...

— А как же я?..— заикнулся Джек.

— Мы будем пользоваться ею попеременно. Значит, завтра мы начинаем кампанию. Мне кажется, что вам удобнее, чем кому-либо из нас, пойти за ордером. У вас много ловкости и выдумки. Только прошу вас — не увлекайтесь пустяками и не делайте мальчишеских выходов. Побольше выдержки!

Ресторан «Колумбия» наискосок от здания военного министерства. Двенадцать часов дня.

Все столики заняты. Много военных чиновников и офицеров. Они спешно завтракают, торопясь обратно на службу. В громадной светлой зале стоит синеватый табачный дым, в котором протягиваются яркие длинные лучи весеннего солнца. И в них сверкают то рюмки с вином, то белая посуда, то пуговица какого-нибудь офицера.

Джек сидит за одним из столиков и ест баранью котлету. Перед ним два молодых офицера. Он умышленно подсел к их столику, вежливо извиняясь и ссылаясь на неимение свободных мест.

Джеку удивительно повезло: один из офицеров командирован за ордером на оружие и снаряды для какого-то полка. Его товарищ уже неоднократно получал их ранее и теперь советует ему пойти куда-то, сделать то-то и обратиться к тому-то, чтобы проделать всю церемонию как можно быстрее.

Джек слушает... Потом, небрежно закуривая папиросу, роняет:

— Я думал, что проще ничего быть не может! Прийти и сказать: «Сэр! Нам нужно оружие!» И вам ответят: «Хоро-

шо! Идите в арсенал, вам там выдадут!»

Офицер усмехнулся. Его сместила простоватость этого штатского юноши.

— Э, нет! Это не так-то просто! — возразил он. — Вы должны иметь мандат от начальника, удостоверение личности и еще кучу разных бумаг. Потом вас будут гонять из отдела в отдел. Даже мне, офицеру-артиллеристу, нелегко получить снаряды.

— Значит, мне не выдадут ордера? — наивно спросил Джек, ухмыляясь идиотской широкой улыбкой. Офицеры посмотрели на него с удивлением:

— В а м? Да с какой стати?

— А я собирался получить оружие и снаряды, да побольше. Неужели же не дадут? Я все-таки попробую!

— Да что с вами, сэр? — сказал удивленно офицер-артиллерист и вышел с товарищем из ресторана.

Джек надел свой аппарат и последовал за ними по пятам.

Он прошел в министерство. Поднялся по лестнице в третий этаж, потом в четвертый. Офицера, который, сам того не зная, указывал Джеку дорогу, несколько раз останавливали постовые и требовали удостоверение и пропуск. Джек никто не останавливал. Он сам останавливался, чтобы подождать своего спутника. Он побывал в нескольких отделениях огромной канцелярии, где на каждом шагу трещали пишущие машинки и шелестели вороха бумаг в корзинках и на столах. Офицер куда-то исчез. Но Джек увидел, что теперь может отлично обойтись и без руководителя.

Благодаря своей природной смыслености и умению быстро ориентироваться в незнакомой обстановке он в каких-нибудь десять минут сообразил, из какого источника исходят готовые ордера на оружие и снаряды.

Бланки ордеров поступали к начальнику отделения. Там на них заблаговременно накладывалась штемпельная подпись управляющего министерством и ставилась печать. Начальник отделения хранил эти подготовленные бланки у себя в столе и, согласно поступившим к нему заявлениям, окончательно оформлял их, контролировал и направлял

для выдачи. При обычном порядке вещей заявление проходило к нему довольно долго, после разных формальностей, так что ордера приходилось ждать иногда суток двое. Джек сообразил, что при помощи «Глорианы» легко сократить этот срок до минимума.

Он, ничтоже сумняшеся, прошел прямо в кабинет к начальнику отделения, сэру Арчибальду Мак-Ллевелину, и встал за его спиной, совершенно незримый благодаря «Глориане», которая крепко сидела у него на воротнике.

Сэр Мак-Ллевелин горячо беседовал со своим помощником о событиях в Австрии и доказывал, что крепость Перемышль не сегодня-завтра падет. Помощник не менее горячо высказывал противоположное мнение, что очень раздражало сэра Ллевелина.

В пылу спора оба они, однако, продолжали автоматически заниматься своим делом. Помощник сэра Арчибальда брал из лежавшей перед ним кипы заявления, вынимал из другой кипы бланки ордеров и вписывал в бланки месяц и число и название учреждения, которое требовало оружия. А сэр Арчибальд скреплял своей подписью подсовываемый ему заполненный бланк и ставил на нем регистрационную отметку.

Джек взял перо (перо сейчас же стало невидимым) и, приглядевшись к почерку помощника, заполнил своей собственной рукой свободный бланк. Над названием учреждения он не стал особенно задумываться и прямо написал: батарея в Вест-Пойнте. И стал ожидать подходящего момента.

— А я вам говорю, сэр, что эти австрияки завтра же бросят крепость!

Сэр Арчибальд гневно стукнул кулаком: при этих словах Джек с быстротой молнии подсунул ему свой бланк и скромно ждал, что будет дальше.

— Завтра, сэр, к Перемышлю придут подкрепления. На это есть намеки в сегодняшних телеграммах.

— Этого не может быть! — рассердился начальник отделения. — Что вы мне тут подсовываете? Опять Вест-Пойнт! Они бесконечно требуют оружия!

— Вест-Пойнт? — удивился помощник. — Его у меня не было!.. Позвольте...

Он стал перебирать кучу заявлений. Джек снова все перепутывал у него под руками и сбросил половину заявлений на пол. Помощник полез, кряхтя, под стол собирать их, но Джек прижал его стулом так, что тот стал задыхаться и сопеть на всю комнату. Сэр Арчибальд пришел в еще большее раздражение:

— Черт побери! — загремел он. — Вы все путаете сами! У вас никакого порядка нет! Ну, что вы там ищете? Разумеется, заявление от батареи было. Вылезайте из-под стола! Я вам сейчас покажу на карте расположение укреплений Перемышля, и вы поймете сами, что вы ничего не смыслите в этом деле!..

Помощник кое-как вылез со спасенными заявлениями и наклонился над картой. Оба вояки с пеной у рта спорили. Джек пока что заполнил еще один бланк на имя первой артиллерийской бригады. Он очень сомневался, что такая бригада существует. Но, тем не менее, подсунул и этот бланк сэру Арчибальду.

— Тысяча чертей! — вдруг воскликнул начальник. — Уже четвертый час! Давайте скорей кончать... Что тут такое? Пойнт? Готово, прошел!.. Пусть их готовятся к маневрам. Раз просят, значит, нужно!.. Дальше!.. Первая бригада? Разве ее еще не расформировали? Ну, да все равно, черт с ней! Готово! Что там еще у вас?

Джек осторожно вынул готовые ордера из папки и тихонько вышел из кабинета. Он захватил еще на память с собой несколько пустых бланков с подписью и печатью — на всякий случай.

Он был в восторге. Ему страстно хотелось выкинуть какую-нибудь штуку, но Франк Гольт увещевал его прекратить всякое озорство.

Выходя на улицу с драгоценными ордерами в кармане, Джек встретил офицера-артиллериста, ходившего тоже за ордерами, своего бывшего проводника. Джек уже снял «Гло-

риану» и в своем видимом естестве подошел к офицеру и раскланялся с ним.

— Ну что, получили ордер? — спросил он его.

Офицер возразил:

— Это не делается так скоро, как вы воображаете...

— А я уже получил! — похвастался Джек.

— Вы?

— Я!

Джек вынул ордер и на лету показал офицеру. Тот вытаращил глаза, недоумевая: с кем он имеет дело?.. Джек положил ордер обратно в карман и, посвистывая, отправился к Гольту.

Гольт с нетерпением ждал его. Передавая ему оба ордера, Джек испытывал такое ощущение, словно только что удачно выдержал экзамен. Гольт был поражен:

— Сразу два ордера! И на такое количество винтовок! Вам повезло, Джек! Теперь надо поскорее использовать эти бу-мажки, пока не произошло какого-нибудь «недоразумения».

— Знаете, Гольт, что мне пришло в голову, пока я там околачивался? — сказал Джек. — Штаты готовятся к войне... Иначе, чем объяснить такое количество требований на аму-ницию и снаряды? Там их целая кипа!

Гольт кивнул головой:

— Это более, чем возможно, Джек! Может быть, не прой-дет и года, как нас с вами погонят на бойню... Наша аген-тура доставляет нам интересные сведения. Везде происхо-дит переформирование воинских частей. Усиливаются гар-низоны. Кроме того, — и это не блеф, Джек, и не болтовня! — под видом требования оружия для себя оружие берут для отправки в Европу. Таково наше американское лицемерие. Берут оружие в гарнизон, а оно из гарнизона отправляется в морское путешествие... При таких условиях нам будет не особенно трудно и самим запасть кое-чем для наших пла-нов... Вы положили начало чрезвычайно удачно. Теперь я забираю у вас «Глориану» и начинаю далее действовать сам...

Гольт был так доволен Джеком, что потащил его в хороший ресторан и угостил шикарным обедом с вином. Джек удивлялся: откуда у него такие средства? Неужели «Аранджи», помещающаяся в грязной харчевне дяди Станислава, не стесняется в средствах? А что Гольт и Якобсон и другие аранджисты не стеснялись в средствах, в этом для Джека давно уже не было ни малейшего сомнения...

На следующий день Гольт куда-то исчез с завода. Джек интересовался его таинственной деятельностью и немного боялся за «Глориану», но дисциплина «Аранджи» связывала его по рукам и ногам. Он не смел расспрашивать механика, что теперь намерен делать последний, и не мог требовать у него аппарата обратно.

Аранджисты и Гольт не считали нужным держать Джека в курсе их дел. Джек в последующие дни слышал стороной, что оружие и снаряды благополучно добыты и спрятаны в каком-то укромном месте. Очевидно, Гольт сумел раздобыть и дальнейшие партии оружия, потому что он не требовал у Джека добывания новых ордеров. Джека пока не тревожили, и он спокойно бегал по заводу и по городу, разнося в качестве заводского курьера бумаги и письма. Он уже более месяца <как> был переведен на эту новую должность по протекции Гольта. Здесь было безопаснее, чем в химическом секторе, а кроме того (и это-то было самое важное) давало возможность Джеку, не манкируя службой, часто бывать повсюду в городе и исполнять, кроме заводских поручений, еще и поручения «Аранджи».

А на заводе, между тем, с каждым днем все сильнее чувствовалось глухое брожение.

Агитация «Аранджи» не проходила бесплодно. Завод Массена, как и все заводы в буржуазном мире, принадлежал людям, которые главной своей жизненной задачей ставили использование «до отказа» других людей — нанимаемых, эксплуатируемых, изматываемых для возможно пущей наживы. Завод платил сравнительно недурно, но зато требовал адской работы, работы сверхчеловеческой и бесчеловечной. С людьми совершенно не считались и не считали их за людей. Для акционеров Массены рабочие были лишь

заводское мясо. И если это мясо портилось или пропадало, его без сожаления вышвыривали вон и покупали другую партию такого же мяса, по возможности еще более безответного: китайцев, или японцев, или оборванных и вечно голодных чилийцев, которые были готовы на все.

Никаких предосторожностей при работах не принималось. Разрывы снарядов происходили почти ежедневно. Рабочих убивало и калечило на каждом шагу, но управление завода только смеялось в ответ на робкие и почтительные заявления фабричного правительственного комиссара и на требования рабочих относительно предохранительных средств. Вас ранило и искалечило? Тем хуже для вас, а для нас это не имеет никакого значения: мы найдем китайцев, которые не требуют никаких предохранений, потому что они фаталисты и не боятся смерти, да к тому же и готовы работать за полцены.

Эксплуатация живой человеческой силы достигала таких неслыханных даже в Америке размеров, что наиболее тихие и забитые рабочие начинали волноваться. И обратиться за помощью было не к кому. Тред-юнионы явно держали руку правительства и кричали о патриотизме, о германском варварстве, о необходимости приносить все силы в жертву «святому делу войны» и не требовать ничего лишнего.

И, к довершению беды, разрасталась дороговизна. Каждый месяц европейского безумия, обогащавший Штаты потоком золота, поднимал цены на жизненные продукты.

И с каждым днем на заводе стали все чаще и чаще раздаваться голоса:

— Так нельзя жить! Мы голодаем, несмотря на высокий заработок! Наши жены и дети умирают от недоедания!

— Мы пропадем ни за грош! Это хуже всякой каторги!

— Нас вышвыривают без предупреждения и берут китайцев! От этих желтых дьяволов нет прохода! А еще говорят, что Америка для американцев!

— Хлеб вчера опять вскочил на три цента!

— Это все война! Долой войну!

И общий вопль негодования, тоски, усталости и нескончаемой муки выливался в этих двух словах:

— Долой войну!

Среди этих мучимых внутренним огнем людей не было даже особой необходимости агитировать. Они уже были готовы и к забастовке, и к восстанию, и к смерти...

Утром первого июня 1915 года Джек застал на заводе Массена необычную картину.

Обычно шумный и гулкий завод молчал, словно уснувший великан. Но сон его был тревожен и более походил на бред, чем на спокойный отдых. Станки молчали. Маховики остановились, и от них уже не веяло душным и пыльным ветром. Не слышно было острого щелканья забойщиков в капсульном отделении, не визжали стальные пилы и резак. Не грохотали тележки по каменному полу в мастерских. Было тихо, странно и жутко тихо.

Но завод не умер. Массена не был пуст. Он был полон рабочих.

Бледные, худые люди с серьезными, строгими лицами собирались везде в группы. Разговоров почти не было слышно. Но всем и каждому было ясно, что не далее, как сегодня же, разговор все-таки начнется. Но говорить будут уже не люди, а револьверы и винтовки...

С правлением завода разговоры людей велись уже целую неделю. Люди поставили свои требования. Завод их отверг. Тогда люди сказали: «Мы не будем работать на войну и на капиталистов, которые ведут войну!» Управление ответило: «Мы заставим вас силой работать, потому что ваш отказ — измена родине!» Но все знали, что эти слова — ложь. Родина была тут не при чем! И тогда рабочие в последний раз заявили: «Работа прекращается. Долой войну!» А правление вместо ответа вызвало войска. Завод был оцеплен со всех сторон, хотя солдат и не было видно. Они прятались в окрестных зданиях и дворах.

Рабочие были вооружены. Джек знал, что уже в течение долгого времени оружие вносилось на завод и пряталось в разных потаенных местах. Гольт, пользуясь «Глорианой», уносил в каждую свободную минуту то винтовки, то

ящик с патронами из своего таинственного склада и переправлял их на завод. Случалось, что и Джек занимался этим, но Гольт не посвятил его в местонахождение склада. Он давал Джеку то оружие и припасы, которые хранились в некотором количестве у него на квартире и которые необходимо было перенести в более сокровенные и более доступные в нужный момент места внутри завода. «Глориана» работала чрезвычайно успешно и ни разу не сыграла ни с Гольтом, ни с Джеком никакой досадной штуки.

Джек был сегодня в особом, небывалом настроении. Обычная мальчишеская шутливость и беспечность с него слетели, как легкая пыль. Предстоял серьезный и, по правде сказать, страшный день. Это была война. Самая настоящая война, с выстрелами, с возможностью смерти в любой момент. Джек прекрасно понимал, что отступление невозможно и что его не будет. Правда, с ним была «Глориана». Гольт вчера вернул ее. Но если люди не видят человека, освещенного таинственными лучами «Глорианы», то пули отлично видят его. А уйти, бежать с завода в величественные и тяжкие минуты борьбы, — Джек, конечно, ни за что не пошел бы на это!

Он сегодня еще не видал Гольта. Немец-механик вчера вечером в последний раз дал Джеку кое-какие поручения и на всякий случай по-братски расцеловался с ним: кто знает, что могло принести им обоим сегодняшнее восстание?

Это произошло все-таки совсем неожиданно...

Джек утомился нервным ожиданием и совершенно нечаянно прикорнул в уголке и задремал. Его разбудили звуки разбитого стекла и сухого щелканья пуль о стенную штукатурку.

Он вскочил на ноги с замиранием сердца. Значит, это не сон! Значит, в самом деле началось!..

Он убедился, что «Глориана» с ним. Она была в замшевом мешочке на груди.

У Джека был револьвер. Но он решительно не знал, что

ему сейчас делать.

Разрабатывая в подробностях план забастовки и вооруженного сопротивления, Гольт не дал Джеку никакой определенной роли. Он словно забыл об этом или не считал нужным после того, как Джек так много помог в предварительной стадии. Несколько минут юноша колебался, не зная, что ему предпринять. Между тем, пальба разгоралась. Он понял, что солдаты еще не вошли на завод, а стреляли откуда-то издали. Их пальба почти не была слышна. Зато заводские винтовки и маузеры гремели все чаще и чаще со всех сторон. Рабочие заняли все мастерские, которые выходили на улицы, и палили прямо из окон. Стреляли с крыши, с чердаков. Завод походил на огромный, трещащий и вспыхивающий сотнями огней костер. И костер этот все разгорался.

Джек колебался и раздумывал недолго. Сидеть сложа руки он не мог. Идти к рабочим, к окну или на крышу, стрелять в солдат было вполне естественно. Но Джек понял, что ему, обладателю такого драгоценного подспорья, как «Глориана», следует избрать другой род помощи рабочим: не держать ее в мешке, а пустить в дело... А именно, пойти с ней в незримом состоянии в лагерь врага и там всякими способами мешать врагу расстреливать и осаждать завод и находящиеся в нем рабочих.

Завод был сплошь блокирован войсками. Но что могла значить вся эта блокада для «Глорианы»?

Джек совершенно успокоился и в деловито-бодром настроении побежал вниз по лестнице на двор и на улицу...

Ворота были забаррикадированы. Но Джек туда и не пошел. Ему был известен потайной ход из склада снарядов в глухой переулок позади главного заводского здания. Этот ход был вырыт незадолго до нынешних событий по инициативе Гольта, и о нем знали только Гольт и — случайно — Джек.

Придерживая могучую соскользнуть «Глориану», Джек выбрался из тесного и низкого хода наружу, в переулок. Выход из подземелья был завален бочками и ящиками, которые прекрасно маскировали его. Джек исцарапался о

торчавшие из ящичков гвозди, но, не обращая ни малейшего внимания на это, поспешил в своем «невидимом виде» в штаб неприятеля...

Штаб помещался в здании электрической станции. У входов туда стояли стражники и часовые, вооруженные до зубов. Но невидимка-Джек проскользнул мимо них. Несколько пуль щелкнуло около него в стену. Джек невольно вздрогнул: это были пули его товарищей-рабочих. Легко могло случиться, что, помогая им, он пал бы от их же выстрелов.

«Странное положение! — подумал он. — Но что же делать?»

Поднимаясь по лестнице, Джек натолкнулся на офицера, который на площадке лестницы принимал от ординарца коробку с револьверными патронами. К своему удивлению, Джек узнал в нем того самого вояку, который показывал ему дорогу в министерстве, когда Джек добывал ордера на оружие.

«А, приятель, ты, значит, против нас! — подумал Джек. — Ну, я научу тебя уму-разуму!»

Он пошел за ним следом, отрезал на ходу кобуру с наганом и вытащил все патроны. Присвоив эту законную военную добычу себе, он вошел в кабинет полковника, командовавшего операциями против рабочих.

Полковник приказал офицеру, «приятелю» Джека, вытребовать по телефону подкрепление для того, чтобы окружить завод со всех сторон. Войсковых частей, командированных на осаду завода, оказалось слишком мало. Власти никак не ждали такого сопротивления: они не знали, что рабочие Массены прекрасно вооружены, до пулеметов включительно. Было уже много убитых и раненых. Джек сам видел, как по лестнице несли окровавленных «тринадцатидолларников»¹.

— Пойдите! — крикнул полковник. — Телефонуйте, что-

---

¹ Презрительное прозвище для американских солдат, как известно, получающих 13 долларов в месяц жалованья (*Прим. ред.*).

бы доставили два орудия. Черт возьми! Я разгромлю весь завод, если они не сдадутся!

Борьба разгоралась. Здание электрической станции гудело от пальбы. В перебитых окнах чернели решетчатые переплеты на фоне дыма и пыли. Джек только сейчас вполне понял, какая серьезная трагедия разыгрывалась кругом него.

Он побежал за офицером, обогнал его и, вскочив в телефонную будку, охраняемую ротозеем с винтовкой в руках, разбил прикладом нагана аппарат и порвал провод. Офицер тотчас же вбежал в будку, схватился за трубку и в недоумении воззрился на разрушения.

— Что за черр!.. — начал он, и не кончил.

Джек ловким ударом сбил его с ног, вырвал у ошеломленного охранника винтовку и, бросив попорченный револьвер, ударил офицера несколько раз по голове прикладом. Он сам так растерялся, что не знал, что делать ему с винтовкой. Бросил ее около лежавшего без сознания офицера и, вспомнив, что у него в кармане имеется собственный браунинг, выхватил его и побежал обратно к полковнику.

«Надо их всех перебить, — мелькало у него в голове, — пока не прислали подкреплений и орудия...»

В кипевшей вокруг него суматохе все происходившее казалось Джеку сном. Он твердо помнил только об одном: о «Глориане». Он все время ощупывал ее, боясь, как бы она не соскользнула.

Да, «Глориана» служила ему верой и правдой сегодня. Но Джек уже чувствовал, что одной «Глорианы» в таком деле было мало. Требовалось десять, двадцать «Глориан», чтобы сразу подорвать противника.

«Что делать? — думал юноша, и думы, как огненные зигзаги, пронеслись в мозгу, сменяя друг друга. — Как устроить, чтобы орудия попали в наши руки? Как сделать, чтобы на фабрике не произошло взрыва? Не взорвать ли мне орудия? Или перебить артиллеристов? Или просто бежать к нашим обратно, отыскать Гольта и сначала посоветоваться с ним и рассказать ему, все, что я здесь видел и сделал?»

Вдруг тяжкий удар потряс всю станцию. В окнах зазвенели последние стекла. Через минуту ухнул второй такой же удар. словно что-то безмерно тяжелое подкатилось к самому зданию и попыталось повалить его тяжким напором на землю...

Джек в первую секунду подумал, что это взрыв на Масене.

— Ну, до свиданья! — пробормотал он. — Шабаш!

Но удары еще повторились с прежней силой и какой-то упорной регулярностью. И тут Джек понял, что это значило. Привезли орудия. Очевидно, полковник вытребовал их каким-то другим путем, помимо телефона, или же они прибыли помимо него.

Орудия били по рабочим — товарищам Джека. Орудия разрушали забаррикадированные ворота. Орудия грозили взорвать весь завод, на котором были склады пироксилина и готовых снарядов. Чья же злая воля вызвала это неслыханное по жестокости усмирение рабочих, виновных в том, что их мучили неслыханной эксплуатацией и довели до отчаяния?

Бледный от гнева, с помутившимися глазами, со странной болью в висках, он ворвался, как буря, в кабинет полковника и, почти не целясь, одним выстрелом убил его на месте...

Все дальнейшее произошло для Джека в дымке какого-то кровавого сновидения.

Как будто чья-то посторонняя воля управляла им. Когда около упавшего полковника собрались офицеры, ординарцы и санитары, Джек выскочил из комнаты и побежал наружу, к орудиям. Он еще сам не знал, что он будет делать, но его подхлестывала мысль: «Надо их убраться! Надо их испортить!»

Орудия стояли на площадке позади водокачки, которая обслуживала электрическую станцию. Обе пушки были прикрыты каменной стеной, соединявшей водокачку с котельным отделением. Пули с завода сюда не попадали, и

стрельба по заводу велась беспрепятственно.

Джек ощупал еще раз «Глориану», потеряв места на шее, которые горели и зудели, как всегда, после продолжительного пользования «Глорианой». В ушах у него звенело. Горло пересохло, в глазах ходили багрово-дымные клубы. Но он твердо знал теперь, что ему надлежит делать.

Смерть полковника, по-видимому, оказалась непредвиденной задержкой в дальнейшей работе орудий. Очевидно, и в штабе растерялись, потому что кто-то сдуру приказал прекратить пальбу. Прислуга около пушек стояла в бездеятельности. Завод по-прежнему бушевал ружейной пальбой, словно огромный костер.

Джек, незримый для окружающих, подошел к пушке, набрал земли, песка и щебня и щедро запихнул в дуло. Продолав это несколько раз, законопатив с дула уже заряженное орудие, он проделал то же самое и с другой пушкой.

Затем он перелез через полуразрушенные ворота станции и побежал в переулок, чтобы пробраться обратно через подземный ход на завод к Гольту.

...Джек приоткрыл глаза.

Что это было такое? Он ровно ничего не понимал. В глаза ему бил яркий солнечный свет. Колыхалась какая-то белая занавеска у окна. За окном громко щебетали птицы. Качались зеленые ветки. Кругом было тихо. До странности тихо. Ни пальбы, ни грохота разбиваемых зданий, ни визга пуль.

Что же, наконец, это такое? Где ж завод Массена, забастовка, восстание, сражение?.. Не во сне же, черт побери, приснилось все это Джеку!

Он только теперь заметил, что лежит на постели. Голова у него забинтована. Тем не менее, Джек не чувствовал никакой боли и в голове у него было совершенно ясно.

— Что это значит? — спросил он. — Где я?

К нему подошла миловидная девушка одних лет с Джеком, в белом платье и белой косынке на голове, как у больничной сиделки.

— Как вы чувствуете себя? — спросила она.
— Превосходно! Только вот беда: ничего не понимаю!
— Да вам и трудно понять! — рассмеялась девушка. — Вас подобрали в бессознательном состоянии...

— Кто подобрал? Что со мной было?

— Вас нашел мой отец! Вы лежали на земле в переулке, около завода. Вас, вероятно, контузило снарядом. Повреждений у вас не было никаких, но вы почти целые сутки не приходили в сознание. Сейчас вы находитесь у нас. Наша фамилия О'Конолли. Мы ирландцы.

— Моя мать была тоже ирландка, — промолвил задумчиво Джек.

Девушка тепло и светло улыбнулась:

— Вот как! Значит, мы с вами почти земляки!

— А отец у меня был немец, — продолжал Джек. — Видите, какое запутанное у меня происхождение. И в то же время я американец. Я умею говорить по-немецки, но не знаю ирландского языка. А моя мать говорила на каком-то особом наречии...

— По-гэльски, — заметила девушка.

Джек замолчал. Она налила питья и подала Джеку.

— Выпейте! Доктор велел поить вас этим.

— Хорошо! — послушался Джек. — А что такое с моей головой? Зачем она забинтована?

— Она не забинтована. Доктор велел сделать вам компресс на голову. Если вы себя чувствуете хорошо, давайте снимем его!

Ловкими, нежными руками девушка быстро размотала компрессный бинт. Джек снова вспомнил о заводе и заволновался.

— Послушайте, — с тревогой обратился он к девушке. — Чем же там все кончилось? Там, у нас на заводе?..

— Вам вредно волноваться! — строго сказала мисс О'Конолли. — И вредно так много разговаривать. Лежите и молчите! Потом узнаете все.

— Да мне гораздо вреднее не знать, что было там! — протестовал Джек. — Если мне нельзя говорить, то я буду молчать и слушать. Не произнесу ни слова. Только скажи-

те, пожалуйста, что там было?

— Вы хотите знать, чем кончилось? — задумчиво произнесла девушка. — Восстание подавлено!

— Ох! — болезненно простонал Джек.

— Рабочие сопротивлялись геройски, необыкновенно! В особенности группа наших ирландцев. Они нанесли тяжелые потери солдатам. У них масса убитых. Убит полковник Смит. Взорваны два орудия...

— Взорваны?! — воскликнул Джек. — Взорвались-таки?! Я так и думал...

— Что вы думали? — удивилась мисс О'Конолли.

— Так, ничего особенного! — спохватился Джек. — Говорите, что было дальше!..

— Но потом к ним подошли подкрепления. Начался новый обстрел... с завода было брошено несколько бомб. Но ничего не помогло. Рабочим пришлось сдаться. И теперь идет жестокая расправа.

Девушка прибавила тихим голосом:

— Отец говорит, что восстание было организовано как-то странно: у рабочих было запасено множество оружия и снарядов, и в то же время не было настоящего плана действий, и, что еще страннее, во время восстания инсургенты были оставлены без всякого руководства. Никого из организаторов забастовки на заводе не оказалось.

Джек вспомнил, что он действительно не видел в день восстания ни Гольта, ни Якобсона, ни других ирландцев. В самом деле, как странно!

— Может ли это быть? — промолвил он.

— Отец говорит, что получалось такое впечатление, будто завод сознательно предан на разгром и уничтожение, и что в этом якобы и заключалась главная цель...

— Ваш отец служит на заводе? — спросил Джек.

— Нет. Но он имеет близкое касательство к рабочим кругам.

Откуда-то послышался мужской голос:

— Нора! Иди сюда!

— Сейчас! — откликнулась девушка и упорхнула в соседнюю комнату.

Джек был смущен. Восстание подавлено. Не помогла ни «Глориана», ни его самоотверженная работа, ни бешеное сопротивление героев-рабочих. Во всем этом деле, значит, были какие-то роковые обстоятельства... Но кто тому виновной?

Вдруг Джек вспомнил о «Глориане». А где же его аппарат? Неужели и он пропал?

И почему он не вспомнил о «Глориане» сейчас же, едва только пришел в себя? Положительно, в его голове, пока она была под компрессом, образовалась пустота, куда провалились самые насущные вопросы, мысли и представления...

Мисс Нора опять вошла в комнату.

— Отец вернулся домой, — сказала она. — Он сейчас придет сюда и сам поговорит с вами.

— Мисс О'Конолли, — обратился к ней Джек. — Скажите, пожалуйста... Когда меня подобрали там, около завода, не валялось ли около меня этакое, знаете ли, аппарата... вроде вилки?

— Да, да! — оживленно прервала его Нора. — Я сама подобрала ее, принесла сюда и положила на стол... Она здесь.

У Джека сразу отлегло от сердца.

— Я бесконечно вам благодарен, мисс! Это страшно важный предмет... Вы даже представить себе не можете...

— В самом деле? Но, прошу вас, лягте в постель... А то я уйду отсюда!

Джек, однако, выразил полнейшее нежелание опять укладываться в постель. Зачем? Ведь он совершенно здоров.

Оставшись один, он торопливо оделся, причесался и вышел в соседнюю комнату. Там был хозяин дома и отец Норы, мистер О'Конолли.

— Ну, как? — спросил он Джека. — Все благополучно?

— Вполне, сэр! От души благодарю вас за ваше доброе участие.

— Пустяки!.. Я очень рад, что удалось помочь вам. Скажите, пожалуйста, ведь вас зовут Джек Швинд?

— Да!

— Сейчас на улице какой-то человек остановил меня, сунул мне записку и просил передать ее Джеку Швинду, который находится у нас. Если вы в состоянии заниматься такими делами, то я могу вручить вам ее.

— О, прошу вас! — воскликнул Джек.

Записка была написана знакомым Джеку шифром аранджистов, но подписи не было. По-видимому, ее писал Якобсон.

«Дело провалилось, — читал Джек. — Гольт схвачен и посажен в тюрьму. В “Аранджи” не ходите, потому что там попадете в засаду. Хозяин кабачка предал нас. Попытайтесь пробраться к Гольту и освободить его».

У Джека сжалось сердце. Бедный Гольт!

— Ничего серьезного? — спросил О’Конолли.

Джек засмеялся.

— Не могу ли я быть вам полезен? — спросил ирландец. — Что-нибудь относительно забастовки на заводе Массена? У меня есть рука...

Джек пробормотал:

— Благодарю вас, сэр!.. Я не знаю... В общем, это не так важно...

О’Конолли возразил:

— Позвольте, мистер Швинд! Не надо преуменьшать серьезности вашего положения. Сейчас идут массовые аресты. Завод ваш раскассирован, и все рабочие находятся под страхом самых суровых репрессий. Я говорю о тех, кто еще не попался в лапы властям. Кто попался, те пропали. Надо подумать о тех, кто еще пока цел. Ваше положение кажется мне очень рискованным. Я предложил бы вам побыть пока у меня, а затем перебраться куда-нибудь в другой город, а всего лучше за границу. И я решительно настаиваю на том, чтобы вы прекратили всякие сношения с вашими бывшими единомышленниками... Они вас лишь подведут!

— О, я не думаю! — пробормотал Джек.

— Напрасно! Осторожность никогда не мешает! Впрочем, это, конечно, ваше дело.

Джек провел весь этот день в семье О’Конолли, никуда не выходя из дома. И весь этот день был для него полон све-

та и улыбок. Образ молодой, милой девушки вошел в его жизнь, в его сознание. Нора О'Конолли завладела его воображением и его сердцем. И случилось это сразу, как порыв нежданного весеннего ветра.

Кто был ее отец? Джек не знал этого. Какое отношение он имел к заводу Массена, к рабочим? Почему он знал об участии Джека в забастовке и, по-видимому, даже знал, под чьим руководством Джек работал? Все это было для Джека покуда еще областью тайны. Но он уже чувствовал, что эти новые люди — его друзья, и никогда не покинут его в беде...

И еще одна тайна была сейчас в жизни Джека. Тайна очень интересная: каким снарядом был контужен Джек? С в о и м или ч у ж и м?

Судя по всему, выходило, что он попал под одну из бомб, брошенных с завода. И выходило, таким образом, что он едва не погиб от руки своих же товарищей.

«Значит, сами пацифисты хватили меня по затылку! — думал с сокрушением Джек. — Уже второй раз!»

V

Из газет, которые, как всегда, отличались нескромной болтливостью, Джек узнал, что Франк Гольт во время допроса покушался на самоубийство. Это обстоятельство побудило Джека ускорить свой визит к нему в предварительное заключение.

Это не было для Джека мудреным делом. С «Глориа-ной» на шее, невидимый благодаря ее спасительным «темным» лучам, он проник в здание тюрьмы вместе с тюремным служащим. Сначала он попал по незнанию в отделение, занятое не подследственными, а уже «готовыми» осужденными арестантами, ворами, бандитами и насильниками. Отделение это, как и все вообще отделения тюрьмы, помещалось в особом корпусе и изнутри представляло собой обширный и бесконечно высокий внутренний коридор, вдоль стен которого тянулись в несколько этажей камеры,

обнесенные легкими ажурными железными галереями с такими же ажурными лесенками вверх и вниз. Где-то впереди виднелись двери в контору, церковь, аудиторию, больницу.

Джек направился в контору, чтобы там выудить в бумагах и списках какие-то указания на местонахождение Гольта. Но по дороге он натолкнулся на партию арестантов, которых вели на лекцию.

В тюрьме несколько раз в неделю читались лекции по самым разнообразным предметам, но преимущественно по богословию и нравственной догматике. Предполагалось, что, выслушав полный курс таких лекций, бывшие бандиты и насильники исправятся, почувствуют, какими прежде мерзавцами они были, и превратятся в умилительно кротких и благочестивых агнцев. Эти лекции, а также сопровождавшие их беседы, велись «Армией Спасения»: той самой армией, которой Джек продал за десять долларов свою душу. Воспоминание об этой продаже заставило Джека улыбнуться...

Арестанты проследовали в сопровождении конвойных слушать чтение Библии с туманными картинками. Джек еще раз пожалел их и отправился в контору.

Там ему довольно долго пришлось ждать случая, чтобы «незримо» заглянуть в списки. Но в конце концов он убедился, что Гольта здесь не может быть, и отправился в другой корпус тюрьмы.

На все это потребовалось немало времени. Джек устал и проголодался и с удовольствием отведал, забредя по дороге на кухню, горячего супа из бобов и свинины и отличного свежего хлеба.

В конторе подследственного отделения было много народа. Джек тщетно ждал момента, чтобы познакомиться со списком заключенных. И, устав от ожидания и нетерпения, решил пойти по галереям искать Гольта по вдохновению, наудачу.

В каждой камере (а камеры все были одиночные) в дверях имелся «глазок», через который, отодвинув заслонку, можно было видеть все, что находилось в камере.

Джек полез в первый этаж по чугунной лесенке. Там начинались камеры подследственных.

Он просмотрел целый ряд камер. В одних из них было пусто — они еще ждали жильцов. В других, словно редкие птицы в клетках, сидели самые различные люди. Одни из них, как звери в зоологическом саду, нервно бродили из угла в угол быстрыми, напряженными движениями, словно стараясь в этом движении разогнать тяжелые мысли. Другие, лежа, читали. Третьи занимались какой-либо работой: тачали обувь, трепали пеньку, клеили какие-то коробочки. И Джек инстинктивно чувствовал, что это вовсе не труд, а все то же стремление хоть чем-нибудь прогнать и заглушить страшные, неотвязчивые мысли о преступлении и наказании...

Гольта нигде не было.

Но Джек не терял надежды найти его. Он решил пересмотреть все камеры, заглянуть, в случае надобности, в больницу, и если Гольт был в настоящее время вызван к следователю, то ждать его здесь хотя бы до утра. «Глориана» начинала порядочно пощипывать Джеку шею своими таинственными лучами, но он старался не думать об этом.

Он терпеливо брел по галерее от одного «глазка» к другому. Ему встречались и почти толкали его служители с завтраком, который они везли на тележке по маленьким рельсам, проложенным по полу галереи. У каждой двери тележка останавливалась, служитель отпирал и откидывал в двери подвижную фрамугу, просовывал туда голову и кричал: «Алло! Завтрак!» А затем в отверстии фрамуги показывалась рука с миской. Служитель быстро, автоматическим движением наливал в миску суп, кидал в окно кусок хлеба и захлопывал фрамугу со звоном автоматически защелкивающегося запора. И тележка катила дальше.

Внизу раздался шум, говор и шлепанье многочисленных арестантских туфель. Это возвращались с чтения Библии арестованные подследственные (их тоже водили туда). Из разговоров и восклицаний Джек понял, что теперь их после завтрака поведут играть в футбол. Так как аудитория, очевидно, не отличалась особенными размерами, то аре-

стантов водили туда партиями. Пока одни завтракали, другие наслаждались лекцией, т. е. хлебом духовным. А затем шла получать хлеб духовный другая партия, уже насытившаяся хлебом телесным...

То же самое было с прогулками и играми.

Джек не мог не улыбнуться при мысли о принудительном футболе или хоккее: он хорошо знал по собственному опыту, насколько способствуют эти бурные игры вытряхиванию из головы всяких религиозных знаний. Любопытно, что останется от Библии в их мозгах после хорошей партии футбола или бейсбола?

Вдруг Джек увидел Гольта.

Сначала он даже усомнился: Гольт ли это? Так изменили его тюремный костюм и тяжкое душевное состояние. Он шел в сопровождении двух стражников. Шел, опустив голову и согнувшись, как самый дряхлый старик. Очевидно, он возвращался с допроса.

Джек с этой минуты уже не терял его ни на секунду из виду. Гольт в сопровождении солдат поднялся во второй этаж, где был сейчас Джек, потом в третий и четвертый. Джек следовал за ним по пятам. Наконец, шествие остановилось у одной из камер четвертого яруса. Щелкнул замок в двери, Гольт туда вошел и... сейчас же вошел туда за ним и невидимый Джек.

Дверь за ними захлопнулась. Джек знал, что выбраться отсюда теперь можно только в том случае, если кто-нибудь войдет в камеру, и, стало быть, приходилось терпеливо ждать этого случая. Впрочем, его беспокоило, собственно, не это: необходимо было устроить бегство Гольта. Эта мысль занимала сейчас Джека всего более.

Войдя в камеру, Гольт бессильно опустился на койку. Джек снял «Глориану» и подошел к нему с протянутой рукой поздороваться. Механик отшатнулся с испуганным выражением в ввалившихся, почти безумных глазах.

— Кто?.. Кто это? — прохрипел он. — Вы, Джек? Зачем вы здесь?

— Мистер Гольт, я пришел к вам повидаться с вами и помочь вам бежать.

Гольт покачал головой:

— Не надо! Поздно! Все равно все пропало!

— Послушайте, Гольт, не упрямитесь! Все устраивается отлично. Вы берете у меня «Глориану» и выходите отсюда. А я остаюсь. Остаюсь, и больше никаких! Ну, что они со мной сделают, согласитесь сами? Они убедятся, что я совсем другое лицо, и кончат тем, что выпустят меня. А какой чудесный блеф получится! Какие рожи у них будут, когда они увидят, что Франк Гольт превратился в молодого человека! Ну, пожалуйста, дорогой мистер Гольт!

«Блеф» так занимал сейчас воображение Джека, что он уже страстно желал остаться в тюрьме вместо Гольта.

Но механик упрямо качал головой с прежним безнадежным видом. В окне как будто что-то стукнуло. Джек оглянулся. У него мелькнула мысль, что за ними уже наблюдают в «глазок». В самом деле, какая неосторожность! Джек сейчас же нацепил «Глориану». Теперь он мот беседовать с Гольтом, не стесняясь. Со стороны подумают, что узник разговаривает сам с собой или галлюцинирует...

Джек исчерпал все свои аргументы и замолчал.

— Нет, нет, — твердил Гольт. — Довольно, напрасно, Джек! Я не хочу, чтобы вы пропадали из-за меня. Мы шли ложным путем, и уж если теперь кто-либо должен пострадать, так это я.

— Полноте, мистер Гольт! Что вы! Вы же так много сделали для рабочих, для нашего дела...

Гольт застонал и закрыл лицо руками. Джек не понимал, что такое с механиком и почему он предается раскаянию. Он вспомнил загадочные слова мисс О'Конолли о роли и поведении заправил забастовки во время восстания. Но нет! Что за вздор!

В коридоре слышались тихие, едва уловимые слухом шаги. Механик поднял голову. Глаза его еще более потускнели и глядели куда-то вдаль с отсутствующим, неживым выражением. В дверь поскреблись снаружи, «глазок» ясно стукнул, потом снова все стихло.

— У вас есть с собой револьвер? — вдруг спросил Гольт.

— Есть! — обрадовался Джек.

Ему пришло в голову, что Гольт хочет употребить оружие для бегства из тюрьмы.

— Дайте мне его!

Джек вытащил из кармана свой небольшой, вороненой стали автоматический револьвер и передал Гольту. И в то же мгновение, не успел Джек ахнуть, не успел сообразить, что такое перед ним происходит, как Гольт приставил пистолет к виску и выстрелил.

У Джека зазвенело в ушах от выстрела и помутилось в глазах. Он, словно во сне, видел, как Гольт вяло и безжизненно опустился всем телом на пол. Между тем, снаружи в коридоре уже поднялась тревога. Со всех сторон раздавались свистки, бежали люди. Дверь в камеру порывисто распахнулась.

Растерявшийся, испуганный Джек еле-еле не уронил с шеи «Глориану». Его два раза толкнули вбежавшие стражники и смотритель, но в суматохе, к счастью, не обратили на это внимания. Он воспользовался моментом и выскокил наружу.

Внизу возвращались с прогулки арестанты. Железные двери ежеминутно открывались. Дверей было несколько, и перед каждой из них Джеку приходилось выжидать нужного момента. И прошло не менее получаса, пока, наконец, ему удалось выбраться наружу.

Потирая горевшую, обожженную «Глорианой» шею, Джек мучительно раздумывал над происшедшим. Что такое стало с Гольтом? Почему такое отчаяние? Что касается его, Джека, то он ни за что бы не покончил самоубийством. Мало ли каких неприятностей не бывает в жизни, но в конце концов как-то все устраивается. Джек, по крайней мере, был совершенно убежден в этом.

Потом его заняла мысль о том, что теперь творится в тюрьме и с какими физиономиями тюремщики обсуждают самоубийство Гольта? В тюрьме не полагается иметь никаких даже намеков на оружие или орудие, или даже на веревку, на которой можно было бы повеситься. До такой сте-

пени там охраняют жизнь арестанта-обвиняемого, пока его не приговорят к казни... Гольт уже пытался покончить самоубийством, но тогда, в первый раз, он пробовал проколоть себе артерию карандашом. Велико же, вероятно, теперь изумление у тюремщиков, когда они нашли у Гольта браунинг. Ах, этот браунинг! Джек немножко жалел его!

Подходя к дому, где жили О'Конолли, Джек столкнулся с каким-то подозрительным, мрачным типом. Тип остановил его.

— Вы Джек Швинд?

— Да, это я! — ответил Джек с некоторым колебанием. Ему мало улыбалось это новое знакомство.

— Вам записка!

— От кого?

— Я не знаю. Я думаю, вам это безразлично!

— Ну, положим, не совсем, — пробормотал Джек и развернул записку, которая вначале, очевидно, имела белый цвет, но, побывав в руках у таинственного незнакомца, приобрела темный колер.

В записке было напечатано:

«Завтра созывается экстренное заседание Сената для выработки новых репрессивных мер против стачек на заводах по изготовлению военных снарядов. Будет обсуждаться также и вопрос о забастовщиках на заводе Массена. Им грозят самые суровые кары. Необходимо и нам ответить репрессией. Вы должны завтра вечером, во время заседания, взорвать Капитолий. Сегодня же в 8 часов вечера вы пойдете по прилагаемому адресу и получите там бомбу и план Капитолия».

Подписи не было. Был лишь адрес.

«Крепко закручено! — подумал Джек. — Это посерьезнее, чем с Морганом!»

Но, придя к своим новым хозяевам, он и виду не подал, что его нечто беспокоит и смущает. Он провел предобеденные часы с Норой и был наверху блаженства. Он уж знал теперь, что бесповоротно и, по-видимому, безнадежно влюблен в нее. Но безнадежность не лишила эту новую любовь очарования и лишь придавала ей какой-то особый поэти-

ческий привкус.

Это было совсем не то, что любовь к Лиззи. Милая, временно погибшая Лиззи была товарищем Джека: она была совершенно на одном с ним уровне и по мирозерцанию, и развитию, и общественному положению: такая же пролетарка-работница, каким пролетарием-работником был он сам. Но Нора была совсем другой человек. Она получила широкое образование, говорила на нескольких языках, много читала и вообще происходила из иного мира, чем Джек. И Джеку казалось, что эта девушка находится на нескольких ступенях выше, чем он, так что он испытывал нечто вроде преклонения перед ней. Правда, Джек очень наметался за последнее время по части умных разговоров, и вообще был парень весьма неглупый. Но все-таки Нора казалась ему существом какого-то совсем особенного, высшего порядка...

Сегодня она опять говорила об Ирландии, о древних кельтах, прародителях нынешних ирландцев, о их героической истории и поэтических легендарных временах, об английском засилье и о стремлении ирландцев к свободе и самостоятельности.

— Это будет! — с жаром говорила она. — Настанет день, когда Ирландия освободится от векового ига. Это наступит, может быть, даже скоро. У нас, ирландцев, есть предсказания об этом. Каждая семья знает их!

Джек слушал с раскрытым ртом. Все, что говорила Нора, было прекрасно. Ирландия казалась ему райской страной. Стремление к освобождению, — чего же лучше? Даже слова Норы о пророчестве не очень шокировали Джека, хотя он ни в какие пророчества не верил, как завзятый атеист.

— Я ненавижу англичан! — говорила девушка. — Отвратительный, эгоистический, жестокий народ. Грубый, наглый народ-насилник, такой же, как их бульдоги! Даже язык у них противный, плюющийся какой-то! Я принуждена говорить по-английски, но мне это тягостно. А наш старинный гэльский язык! Что за красота!

— Однако, и в английском языке есть довольно красивые слова! — протестовал Джек. — Например, «любовь»...

Он покраснел, как красная девица, хотя произнес это слово без всякого умысла.

— О, вы не знаете, какие дивные слова есть на гэльском языке! — воскликнула Нора и произнесла длинную тираду.

Джек с восхищением слушал ее (впрочем, не столько слушал, сколько глядел на нее) и думал:

«В самом деле, наши английские слова никуда не годятся...»

Ровно в восемь часов вечера Джек позвонил в указанной ему квартире в глухом предместье. Дом, в котором находилась эта квартира, оказался порядочной трущобой и немного напоминал даже тот кошмарный дом в Нью-Йорке, под развалинами которого Джек едва не погиб.

Дверь приотворилась, и выглянул тот самый субъект, который сегодня днем передал Джеку записку.

— Джек Швинд?

— Да, это я!

— Входите! Только осторожно! Не стучите дверью!

Субъект оставил Джека в темной передней и исчез. Через минуту он появился снова с каким-то объемистым предметом, упакованным в желтую оберточную бумагу.

— Вот, берите ее и проваливайте!

— Это что такое? Бомба?

— Я полагаю, что да!

— С часовым механизмом?

— Никакого механизма нет! Механизм слишком дорого стоит! Да и зачем вам? Ведь не собираетесь же вы ставить ее себе на стол, чтобы она указывала вам часы.

— Однако... безопаснее...

— Мало ли что! Кстати, берите ее скорее и уходите по добру-здорову. Эта штука достаточно торчала тут у меня.

— Но что же с ней делать? — недоумевал Джек. Он ждал более подробной инструкции.

— Зажечь шнур и удирать! Дело ясное!

— А где шнур?

— Когда развернете бумагу, увидите все! Тут все есть, что надо. Но только уходите вы, ну вас совсем!

— А план?

— Какой там еще план? Глупости! И так все ясно! Пробритесь в подвал и суньте ее куда-нибудь в угол. А уж как пробраться туда — это ваше дело. До свидания!

Джек был обескуражен. Куда девать до завтра эту страшную бомбу? Оставить на квартире О'Конолли? Но ведь, пожалуй, чего доброго, можно вместо сенаторов взорвать Нору! Почему этот субъект так боится? Значит, бомба очень опасная? Спрятать во дворе? Но там ее могут найти, и произойдет ужасный скандал. Вот задача!

Вдруг ему пришла идея:

— А не попытаться ли оставить бомбу в Капитолии сегодня же? Пробраться туда с помощью «Глорианы», может быть, не так уж трудно? Положить бомбу в укромном местечке, а завтра прийти и взорвать?

Джек, действительно, идейно вполне сочувствовал «войне с войной», и его увлекали героические акты, связанные с опасностью ради большого общего дела. Взрыв Капитолия в то время, как в нем будет обсуждаться в законодательном порядке дело мести и угнетения рабочих, — такой акт представлялся юноше величественным. Но тем не менее, возложенное на него поручение смущало его.

Оно смущало его, прежде всего, своей неряшливостью и какой-то циничной бесцеремонностью по отношению к нему самому, Джеку. С ним обращались как с живой бомбой: швырялись им в сенаторов, причем Джек легко мог сам погибнуть, как погибает при взрыве бомба. А между тем, не потрудились дать ему ни обещанного плана, ни инструкций. А ведь он в первый раз в жизни держал в руках бомбу и совершенно не знал, как с ней обращаться. Зачем так затруднять и без того трудное дело?

И при том, если Джек по неосторожности взорвет ее прежде времени, то погибнут ни в чем не повинные люди. Это глупо! Наверное, Гольт распорядился бы умнее, а не кое-как... Но тут Джеку невольно вспомнились слова О'Конолли, что забастовка у Массены была проведена кое-как. Походило на то, что и там, даже при Гольте, была допущена какая-то небрежность, и что небрежность эта типична для анджистов. Что же все это значит?

Джек чувствовал себя обязанным в силу дисциплины выполнить поручение. Поэтому он решил честно и аккуратно выполнить требуемый акт, но уже не испытал никакого увлечения, а сама по себе бомба прямо бесила его. В довершение всего, она была такая тяжелая, что пришлось нанять кэб.

— Дрянь! — ругался Джек, осторожно придерживая ее и оберегая от толчков.

Переехали по мосту через Потомак, покатали по широкой, спокойной авеню, перерезанной тенистым и молчаливым в вечерней темноте парком. И вот впереди забелело ярко озаренное электрическими фонарями, невысокое и тяжеловатое здание Капитолия с белой греческой колоннадой посередине здания.

Это был центр города, претендующий на то, чтобы считаться не только административным, но и морально-психическим центром страны. Отсюда звездой расходились широкие улицы-аллеи. Как будто все пути вели сюда, в этот высший центр Соединенных Штатов...

Джек испытывал все большее смущение. Он положительно страдал от отсутствия плана и точной программы действий. Куда сунуться ему с этой тяжелой бомбой? Оставалось одно: нацепить «Глориану», покрепче подхватить бомбу и идти в первые попавшиеся двери, а там уже будет видно, что делать дальше и куда идти...

Кэб остановился, не доезжая Капитолия. Джек вышел со своим грузом, расплатился и, выждав, когда извозчик отъедет, нацепил свой спасительный аппарат.

И пошел прямо в главные двери подъезда. Они были открыты.

Капитолий еще не спал. Он продолжал жить дневной жизнью. В нем шло заседание.

Ни у кого ничего не расспрашивая (для этого пришлось бы делаться опять видимым), Джек сначала решил удостовериться: действительно ли на завтра назначено обсуждение вопроса о рабочих? Убедиться в этом оказалось

проще простого: в вестибюле на видном месте висела повестка сегодняшнего и завтрашнего заседаний.

И, к своему изумлению, Джек узнал, что закон об усилении репрессий рассматривается сегодня!

Это было написано черным по белому и подписано официальными лицами. Не могло быть никаких сомнений... Аранджисты и в этом случае проявили nepозволительную небрежность!

У Джека невольно забежали по спине мурашки! Нужно действовать сейчас, сию же минуту! Нужно торопиться! Может быть, закон уже обсуждается!

Джек, все не выпуская из рук бомбу, заглянул в ярко освещенный кабинет, двери которого выходили в вестибюль. Это было что-то вроде приемной для посетителей. Там был письменный стол и удобные кожаные диваны и кресла. Там было совершенно пусто. Джек вошел туда и заметил на стене почтовый ящик с надписью:

«Для заявлений и писем г.г. сенаторам. Доставляется каждые полчаса».

Недолго думая, Джек подсел к письменному столу и написал записку:

«Если репрессивные меры против рабочих будут утверждены, Капитолий будет взорван сегодня же».

«Подписываться “Глорианой” не стоит! — подумал он. — Чего доброго, опять, схватят какую-нибудь судомойку!»

Он опустил записку в почтовый ящик и отправился с бомбой в руках осматривать помещения: нельзя ли как-нибудь проникнуть в подвал под самым залом заседаний. Это было очень трудно без плана и без компетентных указаний. Джек почти не надеялся на удачу. В крайнем случае, он решил бросить бомбу в самом зале заседаний. Это было легче сделать, но грозило слишком большим количеством жертв. Этого Джек, во всяком случае, не желал...

«Всего лучше просто нагнать на них страху», — думал он.

Долго бродил он по анфиладе внутренних помещений, ища входа в подвал, но все было тщетно. Многие двери были попросту заперты, и вход в данные помещения, которые, может быть, вели именно в подвал, был невозможен.

Снаружи тоже не было ни малейшей доступной лазейки. Джек начинал приходить в уныние.

Зал заседаний находился во втором этаже. Джек пробрался туда. Заседание шло своим чередом. В кулуарах, приоткрывавших к залу, и в библиотеке было много народа и везде ярко горело электричество. Джек проблуждал по комнатам, пытаясь составить некоторое понятие о топографии верхнего помещения в связи с нижними комнатами, но ничего у него не выходило; и он зря плутал с тяжелой бомбой, проклиная ее самыми обидными и страшными американскими клятвами.

Вдруг внимание его было привлечено неожиданным шествием.

Шло несколько патрульных во главе с каким-то начальником с нашивками на рукаве; патрульные были вооружены револьверами и винтовками и электрическими фонариками у пояса.

Какой-то важный штатский человек, сухой и бритый, с надменно опущенными книзу губами, обратился к начальнику патруля:

— Прежде всего, осмотрите подвальные помещения. В особенности под залом заседаний. И немедленно доложите мне!

— Слушаю, сэр! — ответил почтительным тоном начальник патруля.

Джек слегка присвистнул:

— Э-э-э! Вот оно что! Моя записочка добралась до места назначения.

И, недолго думая, он присоединился с бомбой к шествию. Теперь все дело упросталось до чрезвычайности. Нужно было только идти следом за патрулем и ждать момента.

Патруль прошел по анфиладе нижних комнат, где помещалась канцелярия, в которой никого не было, за исключением двух-трех дежурных чиновников. В одной из комнат патрульные, очевидно, не особенно ревностно спешившие обследовать подвал, расселись на стульях и закурили. Джек тоже сел, осторожно опустив бомбу на пол.

«Ишь, проклятая! Все руки оттянула! Хоть бы ты лоп-

нула! — думал он, забывая, что последнее совершенно нежелательно для него самого. — И чего они сидят! Уж скорее бы! Скучное занятие взрывать сенаторов! Скучное и вредное для здоровья...»

Патрульные посидели, покурили и пошли дальше. Наконец, добрались и до подвальных помещений. Там было темно, потому что в этот вечер случайно испортилось электрическое освещение, но Джек заблаговременно стянул у одного из патрульных фонарик. С зажженными фонарями патрульные обошли ряд сводчатых комнат, прошли по длинному коридору и очутились в низкой камере с какими-то нишами в стенах почти у самого свода.

— Это здесь! — сказал сержант — командир патруля. — Там наверху зал! Здесь надо хорошенько осмотреть, все ли в порядке.

Джек думал с пренебрежением:

«Идиоты! Подумаешь, тоже охранители! Сами же провели меня сюда. Без них я, пожалуй, не нашел бы дороги и ничего бы не вышло! А они привели меня как раз под самых сенаторов! Покорно благодарю!»

Патрульные шарили с фонариками по углам. Заглядывали в ниши. Джек подумал: «Всего лучше положить в нишу, но мне одному это трудновато сделать... Бомба такая тяжелая. Еще, чего доброго, сорвется и упадет на пол...»

И вдруг ему пришла в голову дерзкая, отчаянная до безумия идея.

Он вышел за двери в коридор, снял там «Глориану» и с шумом, тяжело ступая и стуча каблуками по каменному полу, вошел обратно в камеру, таща с самым небрежным и независимым видом бомбу. Он даже напевал сквозь зубы:

«Мы с Чарли Чаплиным пара славных ребят, бум, бум!»

Патрульные, занятые обшариванием углов и ниш, в пол оборота равнодушно взглянули на него. Они, очевидно, полагали, что перед ними монтер или водопроводчик со своим снарядом.

Джек качнулся и развязно толкнул одного из них.

— Алло! Послушай, Джимми!

Патрульный отгрызнулся:

— Я такой же Джимми, как ты крокодил! Ослеп, что ли? Забыл, что ли, как меня зовут?

— Послушай, Тобби, не сердись! Помоги мне поднять мой ящик с инструментами! Я хочу спрягать его здесь до завтрашнего дня!

— Что у тебя тут такое, парень? — заинтересовался сержант.

— Много всяких вещей, ваша честь! — продолжал Джек, чрезвычайно талантливо изображая подвыпившего подмастерья. — Палка золотая, обсыпанная бриллиантами, три бутылки для эля из чистого серебра с рубиновыми пробками, дюжина золотых трубок с изумрудными чубуками.

— Ха-ха-ха, хо-хо-хо! — грянули патрульные. — Ну и шут гороховый! Выдумает тоже! Ишь, нализался! Ступай спать! Нечего тебе тут колобродить!

— Я знаю его! — пробормотал тот патрульный, которого Джек назвал Джимми и Тобби. — Это монтер Джонни Смайль от старика Стефенсона. Они должны были сегодня поправить электричество.

— Вот, я уже скажу старому Стеффу, какие у него пьяницы-работники! — погрозился сержант. — Что у тебя тут? Инструменты, что ли? Что-то больно много! Ты, пожалуй, проводку стянул где-нибудь? Поглядеть бы надо!

— Бросьте, сержант! — вмешался патрульный. — Стефф за все отвечает сам. Не стоит возиться с ними. Уже двенадцатый час, а нам нужно обойти всю ту сторону!

— Чего тебе надо? — сердито спросил сержант. — Чего ты лезешь сюда?

Джек ответил, улыбаясь пьяно-блаженной улыбкой:

— Поставить здесь... Тут, значит, в полной сохранности... до завтра. Завтра мы будем работать...

— Ну, ладно, черт с тобой! Давай, ставь живее!

Двое патрульных схватили бомбу и поставили ее под самый потолок в нишу.

— А это что такое висит? — сказал «Тобби», указывая на болтавшийся зажигательный шнур. — Никак, в самом деле проводка! Стянул? Признавайся!

— Это для... для работы! — сказал Джек.

Патруль шел по коридору далее. Джек мгновенно вытащил шнур во всю длину, растягивая его за собой возможно далее. Нужно было сейчас же поджечь его и бежать за патроном, чтобы успеть вместе с ним выбраться из подвала... Огоньки патрульных уже исчезали за поворотом. Джек быстро чиркнул спичку и зажег толстый растрепанный конец шнура, и тот быстро загорелся, фыркающая и разбрасывая яркие искры...

«Ну, теперь стрекача!» — взволнованно думал Джек.

Он бросился по коридору. Впереди него бежал, танцуя, мигающий свет фонарика. Вдруг Джек на всем бегу споткнулся обо что-то и растянулся на полу. Фонарик выпал и со звоном покатился куда-то. Стало непроглядно темно.

Джек сел, потирая ушибленный лоб и локоть. Он был ошеломлен падением и внезапной темнотой. Где же, черт возьми, фонарь? Без него тут пропадешь!

Он нагнулся и стал шарить по полу. Шарил руками и ногами, но фонарь словно провалился сквозь землю. А шаги патруля уже затихли вдаль.

— Алло! Э-э-ой! — закричал Джек. — Погодите меня, братцы!

Но ни ответа, ни приветия уже не было. Джеку даже показалось, что вдаль щелкнул дверной замок. Теперь уже не выбраться отсюда!

В темноте Джек потерял ориентировку и не знал, в какую сторону идти. Он прислушался: в абсолютной темноте и такой же абсолютной тишине не было слышно фыркающей горевшего шнура. Не было видно ни малейшего отблеска его пламени. Вероятно, Джек уже миновал закругление коридора.

С сжавшимся сердцем юноша побрел вдоль стены, сам не зная, куда идет. Сколько времени будет гореть шнур? Двадцать? Тридцать минут? Или минут пять? Он ничего не знал. Да и все равно, время теперь не имело для него никакого значения. В этой темноте, в этом небытии минута может показаться целым часом и час — минутой.

Он стал кричать. Но крик не будил даже эхо в этих камнях. Все было мертво. А где-то там наверху, и с боков, за ог-

радой этих мертвых беспощадных камней жили люди... Где-то теперь Нора? Что она делает?

«А может быть, шнур погас? — с надеждой подумал Джек. — Тогда я досижу здесь до утра, а утром с “Глорианой” выберусь как-нибудь отсюда. “Глориана” со мной».

Он любовно погладил ее. И приготовился мужественно переждать долгую и скучную ночь. Взрыв, очевидно, не удастся! Но что же делать? Джек сделал все зависящее от него. Пусть другие попробуют сделать лучше. Мыслимо ли так работать: дают без малейших инструкций сильнейший снаряд, не снабжают ни планом, ни малейшими указаниями. Да и шнур дают, очевидно, бракованный, плохой, который гаснет...

Вдруг впереди что-то мигнуло. Какой-то слабый отсвет. Джек так и замер на месте.

...Нет, шнур оказался хорошего качества. Он все еще горел, и Джек шел прямо к нему.

Он повернулся и изо всех сил бросился бежать в полной тьме обратно. Бежал, натываясь на стены, спотыкаясь, падая и опять вставая. И словно страшный сон окутал его всего. Сон, от которого, к сожалению, нельзя было проснуться...

Джек наткнулся на какой-то выступ. Ощупал его. Это было что-то вроде ниши или заделанного окна. Почти бессознательно он забился туда и спрятал голову в руки.

«Ну, прощайте, мистер Джек! — говорил он себе. — Сейчас от вас останется только одна пуговица, да и та попорченная!»

При взрывах динамитных снарядов происходят иной раз довольно своеобразные явления.

Разрушая толстейшие стены, превращая в прах бетон, столб воздуха и газов проходит мимо какого-нибудь маленького заблудившегося кролика, и тот остается невредимым близ самого очага взрыва.

Нынче роль такого кролика сыграл Джек. Вернее, судьба сыграла над ним такую же штуку. Ниша, в которую он

забился, оказалась окном, заделанным тонким деревянным щитом. Ударом взрыва, напором воздуха щит «выдуло», как листок бумаги, и вместе с ним выдуло наружу и Джека, не причинив ему никаких особых неприятностей, кроме ушиба при падении и временного помрачения рассудка.

Он очнулся во дворе Капитолия.

Открыв глаза, он несколько минут смотрел прямо вверх, на звездное небо. Зачем там звезды? И почему такая жесткая постель, и так холодно и сыро? И отчего такой шум и гвалт кругом, точно пожар в доме?

Полежав еще немного и посетовав на неудобство и холод и на боль в боку и руке, Джек решил подняться и сесть.

Теперь он начал кое-что соображать. Подвал, патрульные, фонарик, бомба, шнур... А, так вот в чем дело! «Но почему же я не взорвался? — подумал Джек. — Разве был взрыв? Я не слышал никакого взрыва. Кто же принес меня сюда?»

Шум и гвалт увеличивались и переходили в бурю криков и какой-то звуковой неразберихи. Мимо Джека пробежало несколько человек. Потом побежали в другую сторону и наткнулись на него. Джек узнал их. Это были милиционеры.

— Это кто тут? — крикнул один из них. — Товарищи, здесь еще один раненый! Возьмите его! Эге, да это наш монтер!

Около Джека появилось несколько человек. Потом еще и еще. Высокий бритый штатский с презрительно опущенными губами сказал:

— Осмотрите его! Пусть покажет руки. Запачканы копотью. Задержать и обыскать.

Несколько услужливых рук подняли Джека на ноги. Он уже не мог ни вырваться, ни вынуть из замши «Глориану», спрятанную на груди.

«Черт возьми, как они крепко меня схватили! — думал он. — Теперь не выскочишь!»

Его обыскивали самым бесцеремонным образом, страстно желая найти у него револьвер или нож. Но ни того, ни другого у Джека не было. Наконец, ошупали мешочек с «Глорианой» и отобрали его.

— Что это такое? — спросил презрительный господин. У Джека от тоски слова завязли в горле.

— Это... это мой талисман, — объяснил он. — Я очень суеверен.

Надменный господин вынул из мешочка «Глориану» и повертел ее в руках.

— Это походит на запальник к снаряду, — пробормотал он. — Отобрать и приобщить к делу!

Джек мысленно обозвал его идиотом.

— Отвести его в кордегардию! — приказал господин. — И сдать там под расписку.

Джека повели двое патрульных. У каждого из них была винтовка и револьвер. У Джека не было ни того, ни другого; у него был лишь здравый смысл, вернувшийся к нему, несмотря на встряску от взрыва, и изобретательность.

Его повели по внутреннему двору. Отсюда Джек не мог разглядеть, какие повреждения потерпело здание. С улицы доносились командные восклицания, лязганье, стук топоров и свистки паровой машины. Очевидно, там были войска и пожарные.

Один из стражников был тот «Тобби», с которым Джек так мило беседовал в подвале перед взрывом. Другой патрульный был высокий и мрачный детина, недовольный жизнью. Тобби, наоборот, был в отменном настроении и повистывал. Джек покосился на мешочек с «Глорианой», который он нес, чтобы представить в кордегардию одновременно со сдачей арестанта. «Глориана» была так соблазнительно близко!

— Скоро придем? — спросил он.

— А тебе что?

— Дело в том, что я не могу идти. Я ведь ранен взрывом.

— Ну, ну, ладно. Иди!

— Не могу! — решительно заявил Джек. — У меня ноги подкашиваются. Я сяду.

Он сел прямо на землю. Вожатые возмутились.

— Послушай! — сказал Джек Тобби. — Ты же знаешь меня. Я монтер Джонни Смайльс, а вовсе не преступник. По настоящему, то ты должен был бы не вести меня в корде-

гардию, а распить со мной бутылочку эля в «Колумбии». Неужели ты веришь такому вздору, что я взорвал сенат, когда я сам взорвался и пострадал!

— Не болтай! — прервал Джека мрачный патрульный. — Вставай!

— А ты там что положил в подвале? — усмехался Тобби. — И мы, дураки, еще тебе же помогали. Теперь, брат, мы поняли, что ты за монтер. Вставай, не задерживай.

Джек огорченно взглянул на свои ноги.

— Я и рад бы идти... Я понимаю, что вам хочется поскорее развязаться со мной и выпить чего-нибудь горячего. Но я не могу идти. Попробуйте нести меня!

Патрульные единодушно отказались от этого.

— Теперь выпить пэль-эля хорошее дело! — продолжал Джек. — Пэль-эль очень хорошо, когда холодно, как сейчас.

— Да вставай же ты, черт! — возопили оба патрульные, раздраженные напоминанием о пэль-эле.

— Если бы еще у меня была моя вилка! — продолжал Джек. — Она помогает от ревматизма и от всякой боли. Я бы тогда сразу поднялся. Так ведь вы, черти, и вилку отобрали!

— Какую там вилку?

— Вилку от ревматизма. Которую ты несешь с собой.

— Запальник-то этот, что ли?

— Запальник? Для того, кто служил в артиллерии, сразу видно, что эта вилка похожа на запальник, как гусь на собаку!

— Это, положим, верно! — согласился Тобби. — Запальники у нас совсем не такие.

— То-то и есть! Это аппарат для лечения. Приложишь к больной ноге — и сразу поможет. Вот что, брат, чем зря терять время, дайте мне ее на минутку, только потеряешь раненую ногу. Может быть, поможет. Чего вы боитесь? Ведь я же никуда с ней не убегу.

— Ну, бери скорее и лечись! — сказал Тобби. — Да поскорее! Надоело возиться с тобой.

— Я сначала полечу шею, — сказал Джек, принимая свою драгоценность. — Раз, два, три!

Джек исчез. Патрульные стояли, разинув рты.

Через минуту невдалеке от них послышался его громкий голос:

— До свиданья, братцы! Я вылечился!

— Сто-о-ой!!! — заорали оба патрульные, кидаясь туда, где кричал Джек.

Нервное напряжение, в котором находился все это время Джек, держало его на ногах. Но когда он с «Глорианой» на шее выскочил из двора Капитолия и помчался по улице домой, им внезапно овладела страшная слабость. У него еле хватило сил выбраться через толпу на более спокойное и пустынное место. Там он свалился в обмороке и пролежал, с «Глорианой» на шее, никем не видимый, около уличного фонаря почти до рассвета. И там его, наконец, нашел под утро О'Конолли, тщетно в большой тревоге проискавший всю ночь.

Джек, уже сняв «Глориану», сидел на скамье в парке. Он чувствовал себя совершенно больным и разбитым. Ему хотелось плакать, как ребенку. О'Конолли не сразу узнал его — так изменился за эту ночь Джек.

— Что с вами? — воскликнул ирландец. — Где вы пропали?

— Меня опять хватили по затылку пацифисты, — пробормотал Джек. — В третий раз. Это становится скучно!

И он вдруг расплакался. Ирландец помог ему подняться, позвал таксомотор и отвез юношу к себе.

Из его рассказов и из газет Джек узнал, что сенаторы уцелели и лишь несколько человек служащих получили поранения. Взрывом разрушило в нижнем этаже пустую канцелярскую комнату и потревожило залу заседаний, приподняв и местами разворотив пол. Кроме того, причинило начавшимся пожаром повреждения библиотеке. И все!

Но зато моральное впечатление от взрыва было огромное. Страх на сенаторов был нагнан большой. Власти, до самого мистера Вильсона включительно, были крайне заинтересованы событием и искали виновных. Оставаться в Ва-

шингтоне при таких условиях, когда всюду шли самые яростные обыски, аресты, преследования всякого хоть сколько-нибудь подозрительного человека, даже невидимке было не совсем удобно. Кроме того, Джеку и вообще нечего было здесь теперь делать. «Аранджи» была совершенно разгромлена. Нужно было перебираться в другое место.

О'Конолли настоятельно советовал Джеку немедленно уезжать в Чикаго или Нью-Йорк. Он сам собирался перебраться вместе с Норой в один из этих больших индустриальных центров.

Он, равно как и Нора, ровно ничего не подозревал об участии Джека в capitoлийской истории. «Незримость» Джека тоже им не была известна. Но участие Джека в пацифистской организации для них не было секретом, и оба они очень боялись за него.

За это время они сильно привязались к Джеку и прямо не пускали его из своего дома. Джека это стесняло, но любовь к Норе все более расцветала в его душе, и он никак не мог отказать себе в удовольствии проводить все вечера с ней.

Но уезжать было все-таки необходимо.

Однажды, день на третий или четвертый после взрыва, Джек встретился на улице с одним из аранджистов, неким Фаем. Фай, по его словам, скрывался от полиции и вел подпольное существование. Ему это надоело и он тоже собирался «эмигрировать». Он говорил, что вместо погибшей «Аранджи» сейчас организуется новая, еще более могущественная пацифистская организация с главной базой в Нью-Йорке и с отделениями по всей Америке. Эта организация обладает большими средствами, имеет свои автомобили, моторные лодки и пакгаузы. Главная задача ее — выслеживание военной контрабанды на морских пароходах и уничтожение ее. Для этой надобности на пароходы ставятся адские машины с часовым механизмом с тем расчетом, чтобы взрыв произошел в открытом море и пароход потонул вместе с контрабандой. По словам Фая, уже несколько пароходов было пущено ко дну.

— Это один из самых действительных способов помешать войне, — говорил он. — Не хотите ли и вы принять уча-

стие?

Джек пожал плечами. Он уже достаточно жертвовал своим затылком. А тут опять взрывы! Кроме того, он любил пароходы, и ему было бы жаль уничтожить их.

— Для вас тут опасности мало, — убеждал его Фай. — Это совсем не то, что взрывать Капитолий. Вы ставите ящик с машиной и уходите. Машины эти совершенно безопасные. Для того, чтобы облегчить вам доступ на пароходы, ассоциация, наверное, устроит вас на службу в судоходный или санитарный надзор в порту.

Фай помолчал и, улыбаясь своей толстой бритой физиономией, прибавил:

— Денег у них куры не клюют. Вам сразу же выдадут приличный аванс. Советую вам соглашаться. На всякий случай, возьмите адрес Вилькинса. Он здесь записывает желающих и раздает авансы. А в Нью-Йорке вам лучше всего остановиться у Шольца в Гобокене. Это мой приятель.

Джек подумал и согласился. В тот же день он побывал у Вилькинса, получил полсотни долларов и, распрощавшись с О'Конолли, укатил в Нью-Йорк. В тот самый Нью-Йорк, откуда он год назад бежал сюда, в Вашингтон...

VI

Что такое набережные в Нью-Йорке?

Уже по ним одним можно судить об изумительной энергии и трудоспособности американского рабочего люда.

Здесь стоит в течение почти целых суток невообразимый гул от грохота перевозимых тяжестей, от стука ящиков и бочек при беспрестанных нагрузках и выгрузках, от свистков и шипения пароходов, от гомона человеческих голосов. Целые горы тюков, бочек, ящиков, целые города из штабелей стальных рельс или деревянных пробсов высятся вдоль набережной. Люди, тачки, моторы, лошади, — все это перемешивается в грандиозном хаосе, в котором, однако, чувствуется планомерность и порядок, потому что здесь

царит и дает всем и каждому свое место великий Труд.

Человек здесь песчинка: все равно, будь он уличный мальчишка, который бегаёт по случайным поручениям или продает апельсины, или же механик с трансатлантического парохода — важный и нужный артист труда. Но из этих песчинок образуется колоссальная и могучая армия работников, армия, которая строит колоссальные пароходы и двадцатипятиэтажные дома и двигает горами грузов и материалов.

Все кругом заволочено облаками дыма и пара. От пароходов, от уличных паровых лебедек, от тракторов, от асфальтовых очагов, которые днем и ночью горят и дымят у ремонтируемых мостовых. Само солнце, когда оно пробивается своим светом сквозь тучи дыма и пара, кажется, принимает участие в общем труде.

Множество пароходов самых разнообразных национальностей стоит у каменных «пирсов». Эти «пирсы» есть настоящие многоэтажные дома из камня, железа и бетона и стоят они, как венецианские дворцы, прямо на воде и к ним бок о бок подходят многоэтажные дворцы-пароходы. В ночной темноте эти береговые и плавучие дворцы горят тысячами электрических огней, словно светящиеся фосфорическим блеском многоглазые чудовища.

Набережные окаймлены магазинами, складами, пакгаузами, закусочными, пивными, барами, битком набитыми в часы недолгого отдыха рабочим людом: белыми, желтыми, черными рабочими, представителями всех национальностей и рас. Здесь же приютились гостиницы низшего разбора для малотребовательных приезжих, главным образом для матросов, парикмахерские и табачные лавочки, перед которыми выставлены статуи индейцев, грубо изваянные и пестро размалеванные.

Часы отвала океанских пароходов — самое оживленное время в этой местности. Колоссальный пароходище «Белой звезды», или «Кунард», или «Трансатлантической компании» весь дрожит от нагнетаемых паров. Под навесами пристаней и в галереях «пирса» царит невообразимая суетолака. Багаж и тюки товаров подвозятся до последней ми-

нуты, и людьми овладевает лихорадочная поспешность. Огромные паровые лебедки с визгом, скрипом и шипением поднимают целые гроздья бочек или ящиков и опускают их в зияющую пропасть трюма. На набережной позади «пирса» кареты, кэбы, автомобили ежеминутно подвозят новых пассажиров. Носильщики подхватывают ручной багаж, посыльные проталкиваются, чтобы вручить телеграмму или прощальный букет цветов. Люди суетятся, разыскивают друзей, родственников, пожимают руки, целуются. И слова «прощайте» и «до свиданья» произносятся на всех языках мира.

В этой обстановке стала отныне протекать работа Джека в Нью-Йорке.

Он жил в Гобокене, в квартире Шольца, и работал в порту конторщиком. Новая пацифистская ассоциация легко устроила ему это место. Джек получал недурное жалование, работа была нетрудная: главным образом просмотр судовых накладных и беготня из конторы на пристань и на пароход с разными поручениями. Шольц служил таким же конторщиком в правлении «Белой звезды» и нередко они встречались во время погрузок и выгрузок.

Эта официальная «внешняя» работа была у Джека и Шольца работой второстепенной. Главной же работой было тайное обследование пароходов касательно военной контрабанды и установки адских машин. И делалась эта главная работа параллельно и одновременно с неглавной, официальной работой...

Джек очень быстро ориентировался в этом деле. Вскоре он мог прямо на глаз определить, что в таком-то штабеле ящиков или ряде бочек прячется порох или оружие. У него выработались особые приметы для этого. Во многих случаях он, пользуясь «Глорианой», предпринимал целые путешествия по Нью-Йорку, чтобы проследить, откуда привозится гот или иной товар и как его грузят и пакуют в самом первоисточнике. Ему приходилось наблюдать любопытные картины: бочки с сахаром, например, вывозились из такого предприятия, где на сахар не было ни малейшего намека. Ящики со спичками вели свое происхождение не

от спичечной фабрики или оптового продавца спичек, но от таинственной химической лаборатории, где изготовлялось неведомое Джеку взрывчатое вещество. В этих лабораториях были и спички: их клали в ящик сверху, и ящик с псевдонимным товаром получал ложную этикетку.

Для Джека в скором времени почти не существовало тайн в этом деле. Он мог по форме ящика, по манере упаковки вполне определенно сказать, имеется ли в нем контрабанда или же это вполне честный ящик.

На Джека была возложена преимущественно эта исследовательская работа. Но нередко он исполнял и драматические поручения. Так, однажды при его ближайшем участии была подожжена лаборатория по выделке бездымного пороха. В другой раз он выследил целую контрабандную организацию и тяжело ранил ее организатора. Много раз он устанавливал в трюмы пароходов и в склады грузов адские машины. Они не всегда взрывались, но уже не по вине Джека.

С этими машинами он был совершенно запанибрата. Они казались ему вполне безопасными, так как взрыв точно регулировался во времени, и, кроме того, Джек был знаком с их устройством и имел самые подробные инструкции относительно того, как с ними обращаться. Он брал с собой такую машину в чемодан, отправляясь на работу в порт, ехал с ней в трамвае и на пароме, не вызывая решительно никаких подозрений. Потом ставил свой чемодан в конторе на пол и занимался своим делом. А затем в свободную минутку отправлялся на выслеженный им грузящийся пароход, пробирался с «Глорианой» в трюм и ставил в подходящее место свой адский аппарат. И ни разу не случилось, чтобы такие истории кончились для Джека плохо. Только один раз его чуть было не заперли в трюме. Но он стал кричать во всю мочь и стучаться, и люк был снова отперт удивленными матросами. Они прекрасно знали, что в люке никого не было... Удивление их еще более возросло, когда в люке действительно никого не оказалось, но крики и стук все-таки прекратились после того, как он был отперт. Суеверные матросы целый день после того спра-

шивали друг друга:

— Эй, Джимми! Ведь ты слышал?

— Слышал! Честное слово!

— О н о кричало?

— Кричало! Я готов поклясться чем угодно!

— А потом перестало?..

— Да, люк открыли, и о н о вышло.

Но на пароходе вся команда была убеждена, что о н о все-таки осталось и принесет пароходу несчастье.

Но суеверные люди ошиблись... На этот раз машина не взорвалась, и ее потом благополучно выгрузили в Ливерпуле. Никакого несчастья пароход не потерпел.

В другой раз Джека едва не убило сорвавшимся с лебедки грузом. Он был в этот момент в трюме и едва успел отскочить в сторону. Но такие случайности не смущали Джека. Это был профессиональный риск, вполне естественный в каждой работе.

В течение лета и осени Джек обследовал больше ста пароходов и на сорока из них поставил самовзрывающиеся аппараты. В огромном большинстве случаев это были грузовики, не бравшие на борт пассажиров.

Потом Джеку приходилось узнавать из газет о результатах своей работы. Надо сказать правду: при всей своей ненависти к безумствам капиталистической бойни, при всем самом искреннем желании «бить войну войной» он жалел взрываемые пароходы и их экипаж. Впрочем, к его удовольствию, в громадном большинстве случаев люди спасались. Удовольствие это с течением времени стало чувствоваться Джеком все обостреннее. Он начинал даже себя ловить на мысли, что желает всякий раз спасение пароходу, то есть неудачи тому делу, которому он служил...

Джек начинал сомневаться в целесообразности такого способа задуть войну.

К этому присоединились неприятности домашнего характера. Джек продолжал жить на одной квартире с Шольцем. Но это сожительство с каждым днем становилось для него тяжелее.

Виной тому был сам Шольц.

Это был типичный неудачник в жизни и притом человек тяжелого, мрачного характера, завистник и в душе жестокий. Он по возрасту годился Джеку в отцы и был порядно потрепан жизнью: бывал и владельцем разных быстро лопавшихся предприятий, и чернорабочим. В пацифистскую организацию его толкнуло отнюдь не идейное желание служить общественному и важному делу, но просто отсутствие заработка. Он видел, как преуспевает в организации Джек, этот мальчишка, и мучился к нему острой завистью. Добродушный Джек никак не мог понять, почему и за что Шольц постоянно хмурится на него, не разговаривает с ним целыми днями или же грубо обрывает его. Он пытался вызвать своего сожителя на объяснения, но тот всякий раз уклонялся. Джек ломал себе голову, не понимая, чем он провинился перед Шольцем.

Жить в такой атмосфере недоверия и неприязни было очень тяжело, и Джек неоднократно поднимал вопрос о «разводе» и о переезде на отдельную квартиру. Но Шольцу было выгодно жить совместно с Джеком, и этот вопрос постепенно проваливался. В конце концов Джек махнул рукой на все и предоставил событиям идти своей чередой и уже мало заботился о настроении Шольца. Он замечал, что сожитель следит за каждым его шагом и крайне интересуется всеми его вещами.

Однажды Шольц удивил Джека вопросом:

— Каким образом вам, Швинд, так ловко удается обдывать ваши поручения? Вы проводите всех окружающих за нос, попадаете в самые недоступные места. Ведь не сплошные же дураки и ротозеи вас окружают? Что же это значит?

Джек съежился. Не хотел ли Шольц намекнуть на «Глориану»?

О существовании «Глорианы» знал только Гольт (по крайней мере, Гольт уверял в этом Джека) и, лишь весьма смутно и, по-видимому, с ложными представлениями, Якобсон. Последний, кажется, представлял себе «аппарат» Джека чем-то вроде универсальной отмычки для пролезания куда угодно, но отнюдь не аппаратом незримости. Джек свя-

то и строго хранил свою тайну. Даже Нора ничего не подозревала до сих пор. Неужели Шольц что-то пронюхал на этот счет?

Беспокойство Джека, впрочем, тянулось недолго. Он ответил Шольцу какой-то шуткой, и тот замолчал. Настроенное у него, по обыкновению, было самое скверное, но Джека теперь это уже не беспокоило. Он теперь был вообще счастлив: в Нью-Йорк приехали О'Конолли. И Джек через два дня на третий непременно и неизбежно бывал у них. И шутя говорил себе, что он становится настоящим ирландцем.

Джек сделал интересное открытие: Нора оказалась человеком его среды. Она была дочерью рабочего.

Джек этого никак не ожидал. Он терпеть не мог аристократии и различных принцев и принцесс (хотя сам и был на короткое время «туркестанским принцем»); тем не менее, ему гораздо легче было поверить, если бы ему сказали, что Нора происходит из королевской семьи. Дочь рабочего? Но разве мистер О'Конолли похож на рабочего?

— Да, он родился в рабочей семье, — говорила Нора, — и ему в прежнее время довелось испытать много нужды и лишений. Он стал и политическим деятелем, но не только не порвал с рабочим классом, но, наоборот, всегда всеми силами стоял за его интересы. Наше ирландское рабочее движение в значительной степени дело его рук.

— Почему же вы живете не в Ирландии? — спросил Джек.

— Потому что отцу хотелось познакомиться с жизнью ирландских рабочих в Соединенных Штатах и Канаде. Из Ирландии очень многие эмигрируют в Америку.

— Значит, вы вернетесь потом в Европу? — спросил Джек с оттенком некоторой грусти.

Нора улыбнулась странной, мечтательной улыбкой.

— Я не смогла бы ни минуты жить, если бы была уверена, что уже не вернусь в Ирландию! Это было бы ужаснее всего. Конечно, мы вернемся туда, и, может быть, даже в скором времени.

— А я не смогу ни минуты жить, если вы уедете! Я умру!

— Поезжайте и вы в Европу!

Джек задумался.

— Мне это ни разу не приходило в голову, — сказал он.

— Я страстно люблю пароходы и всю жизнь мечтаю о морском путешествии. Но в то же время я представить себе не могу, чтобы я покинул Штаты.

— Увидите нашу страну! Чудесную, зеленую страну кельтов!

— Вот только вопрос, как еще добраться до вашей Ирландии? Не пришлось бы принять ванну!

— Какую ванну?

— Из морской воды! Холодную! Теперь что-то уж очень часто топят пароходы...

Джек произнес эти слова преувеличенно скромным тоном и опустил глаза. Ему казалось, что Нора читает в его душе. А то, что было написано в душе у Джека относительно потопления пароходов и морских ванн, вряд ли понравилось бы честной и прямой девушке.

Джемс О'Конолли редко присутствовал при подобных беседах Джека с его дочерью. Он был страшно занят журнальной работой и посещениями рабочих клубов и собраний, в которых он выступал с речами и докладами. Джек иногда сталкивался с ним на лестнице их дома или в «гобокен-ферри»¹, на котором О'Конолли часто ездил в рабочее предместье. Ирландец был всегда очень любезен и даже более того — сердечен с Джеком, брал его с собой на собрания, охотно и много говорил с ним, но Джек никогда не видал, чтобы этот, столь симпатичный ему человек, улыбался. Вначале это немного смущало Джека: он ставил смех и юмор выше всего на свете, и сумрачные, серьезные люди казались ему инвалидами. Но потом он понял, что у этого необыкновенного человека совсем особый склад души. А еще позднее он понял и сущность этого душевного

---

¹ Паром (*Прим. ред.*).

склада: на душе Джемса О'Конолли лежала громадная темная тень векового страдания его страны.

Джек очень интересовался его статьями и книгами. Но-ра давала ему читать некоторые из них. Но большинство произведений ее отца печаталось на гэльском языке, и это были, по ее словам, самые лучшие его произведения. В Нью-Йорке выходила целая газета на этом языке, и О'Конолли был ее главным сотрудником и даже временным редактором.

Но и то немногое, что Джек читал из произведений О'Конолли на английском языке, внушало ему великое уважение к нему. Это была одна великая защитительная речь по адресу страдающего человечества и пламенный обвинительный акт против вековых утеснителей трудящегося народа.

Однажды, в начале сентября, к Шольцу зашел Фай. Его широкое добродушное лицо сияло самодовольством. Он преуспевал в делах и уже нажил изрядный капиталец. Дела Фая заключались в том, что он усердно занимался контрабандой по вывозу оружия в Европу. Но это было неофициальное занятие. Официально же он боролся с контрабандой, как член могущественной пацифистской организации. Фай был человек чрезвычайно широкого образа мыслей, и эти два столь различных ремесла мирно уживались у него.

— Швинд дома? — спросил он Шольца.

— Нет, ушел!

— Жаль. Я принес ему одну штучку.

— Какую?

— Деньги. Чек на сто английских фунтов.

— С какой стати? — воскликнул Шольц с плохо скрытой завистью.

— От ассоциации. На безотчетные расходы. В сущности, маленькая награда. Этот парень стоит того.

Шольц стал жаловаться, что его труды совсем не ценятся ассоциацией и что глупо давать такие награды молоко-

сосу, который берет только наглостью да зубоскальством. Фай утешал его, уверяя, что в скором времени и Шольц получит награду. Но Шольц был безутешен и раздражен.

— Я зашел также еще для того, чтобы попрощаться! — заявил Фай. — Я завтра уезжаю в Европу. Жаль, что Джека нет. Передайте ему мои благопожелания!

Джек был дома. Фай не знал этого, потому что в эту пору Джек обычно уходил к О'Конолли. Джек лежал за стеной на кровати и слышал этот разговор. У него болела голова, но когда он услышал дальнейший разговор, он поднялся.

— Передайте ему чек! — сказал Фай.

— Я оставлю его себе! — возразил Шольц.

— Не делайте этой глупости!

— Почему? С какой стати давать мальчишке такие деньги? Я не менее его нуждаюсь в деньгах и не менее его работаю для ассоциации.

Джек тихонько оделся и вышел из дома. Ему не хотелось, чтобы Фай и Шольц знали, что он был дома. Затем, выждав некоторое время, он вернулся домой. Фай уже ушел.

Шольц встретил его подозрительным взглядом.

— Вы встретили Фая? — спросил он.

— Нет, а что?

У Шольца просветлело лицо и он стал любезнее.

— Ничего особенного. Он был у меня. Он уезжает в Европу.

— А! — удивился Джек. — И надолго?

— Совсем!

— Вот как!

Все кипело внутри Джека. Голова перестала болеть, но он чувствовал, что его кидает в жар. Он молча прошелся несколько раз по комнате, а затем вдруг подошел к Шольцу и произнес:

— Давайте чек!

— Какой чек? — побледнел Шольц.

— На сто фунтов. Вы его забрали себе. Это мой чек!

— Позвольте! Что такое!

Джек побелел от негодования и со стиснутыми зубами

произнес, резко скандируя слова:

— Фай принес чек на сто фунтов для меня. А вы его взяли себе. Это по-английски называется свинство, а по-американски еще хуже. Давайте чек, иначе я сейчас же напишу заявление в ассоциацию!

Шольц молчал. Молчал долго, как мертвый. Наконец, произнес:

— Вы не человек, а какая-то игра природы. Я не понимаю, что вы за черт такой!.. Откуда у вас это? Чародей вы, что ли?

Он отдал Джеку чек. И с этой поры ненависть Шольда к Джеку уже не знала границ.

На другой день Джек самым точнейшим образом узнал, что громадный пароход «Бостон» везет в Европу груз винтовок и патронов в небывалом до сих пор количестве. Джек поразило, что пароход грузился оружием почти открыто, даже без соблюдения обычных лицемерных предосторожностей и псевдонимов. Известно было и назначение груза: он шел в Гамбург-Киль.

Джек полетел в ассоциацию и в большом волнении сообщил об этой новости и потребовал адскую машину.

— Хорошо, хорошо! — успокоили его там. — Мы это знаем.

— Но пароход отчаливает завтра! — волновался Джек.
— Мы опоздаем!

— Не беспокойтесь!

Джек весь этот день ждал, что ему доставят снаряд. Но ждал зря. Снаряда не доставили. Ему пришло в голову, что кто-то другой командирован с машиной на пароход. Неужели ему не доверяли? Возможно ли это? Ведь он только что получил награду за свою работу.... Значит, им были довольны. Что же это значило?

На следующий день он спозаранку опять отправился к Вилькинсу, который ведал делами ассоциации в Нью-Йорке. Тот принял Джека сухо.

— Что вы шумите? В чем дело? Вам не дают поручения на «Бостон»? Почему это вас беспокоит?

— Помилуйте, пароход полон контрабандного груза... Совершенно открыто!

— Мы это хорошо знаем. Вы сделали свое дело, сообщили об этом в ассоциацию и должны ждать распоряжений.

— Так дайте же распоряжение! — воскликнул Джек.

— Вы нарушаете дисциплину!

И, произнеся это, Вилькинс повернулся к Джеку спиной.

Джек был совершенно подавлен.

В конце концов, он вовсе не желал, чтобы «Бостон» непременно потонул, тем более, что это был превосходный пароход. Но как объяснить такую терпимость со стороны ассоциации? Это было такое вопиющее противоречие между идейной стороной и практикой пацифистской ассоциации, что Джек терял голову в размышлениях и догадках. Почему ему предписывали ставить снаряды в убогие пароходилки с незначительным военным грузом, а этот огромный пароходилец в двадцать тысяч тонн, с грузом винтовок и патронов, достаточным для целого боевого корпуса, оставляли в покое?

На всякий случай, он отправился в порт и решил остаться там до отплытия «Бостона», все еще надеясь, что хотя бы в последний момент ему дадут распоряжение. Может быть, его сообщение о «колоссальном» грузе показалось неправдоподобным, и Вилькинс решил сначала проверить заявление Джека?

Он провел последние три часа перед отвалом парохода на его палубе у мостков, присматриваясь к пассажирам и провожающим. Но никого из знакомых пацифистов не было. Незадолго до отвала Джек надел «Глориану», и, так как погрузка еще производилась и трюмы были открыты, он пробрался туда. Ему хотелось хоть по каким-нибудь признакам определить, поставлен снаряд или нет. Он сам сознавал, что это пустое занятие, тем более, что трюмы были уже перегружены до отказа, но все-таки проделал это для очистки совести.

Выходя из второго трюма, он допустил большую неосторожность: «Глориана» стала слишком щекотать и жечь

его потную шею, и Джек поторопился снять ее на самом пороге, почти на глазах у окружающих. Он думал, что окружающие матросы, занятые спешной погрузкой, не обратят внимания на его появление.

Вдруг пред ним, словно из-под земли, вынырнул Шольц.

Джек едва успел сунуть «Глориану» за пазуху. Шольц ревниво следил за каждым его движением.

— Вы здесь? — спросил он резким тоном. — Зачем?

— Провожая мою невесту! — ответил Джек, глядя ему прямо в глаза. — Я, знаете, женюсь. Сто тысяч приданого!

Шольц побледнел от гнева.

— Ваша невеста, стало быть, едет в трюме? Знаю я, что это за невеста! Значит, вы все-таки поставили ее туда, несмотря на запрещение?

Джек расхохотался.

— А, вы смеетесь! — завопил Шольц. — Наглец вы этакий! Вы нарушили дисциплину! Вы ослушник! Куда вы поставили аппарат? Говорите!

— Никуда я ничего не ставил! — возразил Джек. — Можете успокоиться и повернуть лыжи!

— Сию же минуту ступайте и выньте машину обратно! — кричал вне себя Шольц. — Пароход сейчас отваливает! Я задержу его... Идите!

— Шольц, вы идиот! — спокойно промолвил Джек.

— Если вы сейчас же не пойдете...

Джек видел, что Шольц нервным движением полез в карман за револьвером. Но то же самое увидели и матросы и вмешались в разыгрывавшуюся историю:

— Эй-эй, парни! Вы что тут затеяли? Расходись! Здесь не место!

Шольц оглянулся, направился к трапу и тихо сказал Джеку:

— Завтра же и ноги вашей не будет в ассоциации. Я сообщу о вас.

— На здоровье! — так же тихо ответил Джек, идя следом за ним к выходу с парохода.

— И если пароход в пути взорвется, то вы будете приговорены ассоциацией к смерти.

Джек усмехнулся. Шольц метнул на него такой взгляд, что, если бы Джек был адской машиной, она мгновенно взорвалась бы от этого взгляда.

Пароход уже ревел во все горло своей сиреной. Мостики убирали. Джек перескочил на помост «пирса» и смешался с толпой провожающих. Когда он в последний раз бросил взгляд на пароход, ему ясно показалось, что среди отплывающих пассажиров он увидел круглое, самодовольное лицо мистера Фая...

— Вы, очевидно, не в курсе дела, — говорил ему вечером того же дня мистер О'Конолли. — Я уже давно удивляюсь, что вам за охота связываться с этими пацифистами. Но, так как вы немец, то я полагал, что это в ваших интересах, и поэтому не вмешивался...

— Да, я не в курсе этого дела, — согласился Джек, — и я очень хотел бы, чтобы вы мне объяснили, что все это значит? Почему этот пароход освобожден от репрессии? По крайней мере, мне кажется, что он сознательно и нарочито освобожден от нее...

— Потому что контрабанда направлена в Германию.

— Ну так что же?

О'Конолли спокойно промолвил:

— А то, что ваша ассоциация чисто немецкая. Она существует на немецкие деньги, организована немцами. Главным агентом у них германский посол в Штатах, граф Бернсторф. У них громадные средства. Они совершенно не стесняются в деньгах.

— Да, это правда! — подтвердил Джек.

— Мне, например, известно, — продолжал ирландец, — что финансовый агент, некий Альберт, тратит на организацию забастовок на заводах до двух миллионов долларов еженедельно.

— Черт возьми! — вздохнул Джек. — Значит, и мне кое-что перепало из этих миллионов. Но кто же их знал?

— Они втянули вас в это дело, как немца. По крайней мере, по фамилии. Но согласитесь сами, где же тут паци-

физм? Это просто узкий германский патриотизм, и у этих людей одна цель: всеми правдами и неправдами помочь Германии в ее военной передрыге. Если вы немецкий патриот, то для вас есть смысл участвовать в подобных ассоциациях, но вовсе не с целью задушить войну, а задушить противника.

— Я не чувствую себя немцем, — заметил Джек. — Я, скорее всего, интернационалист. И немножко ирландец.

Он покосился на Нору. Она улыбнулась:

— Вы хотите сказать мне приятное, мистер Джек! Вы очень любезны!

— Нет, вправду. Я каждый день на один дюйм превращаюсь в ирландца.

— Ну, этого мало. До целого ирландца долго ждать!

Джемс О'Конолли спокойно и, как всегда, не улыбаясь продолжал говорить на прежнюю тему:

— Задушить войну, войну вообще, войну всякую, может лишь социализм. А все эти пацифистские организации, какие бы они ни были — псевдонимы, под которыми скрывается нечто со всем иное.

— Значит, я не пацифист, а псевдонист! — заметил Джек.

— Да, в этой ассоциации все псевдонимы. Пишется одно, а выговаривается другое. Например, ваш Вилькинс вовсе не Вилькинс, а фон дерЛауниц, остзейский барон. Фай вовсе не Фай, а Фридрих Швейнкопф. Один Гольт, кажется, был Гольтом и умер им...

— Он казался мне хорошим человеком, — заметил Джек.

— Гольт для меня загадка, — продолжал О'Конолли, — я долго присматривался к нему и не мог понять, что он за человек. Нужно сказать, что в то время, когда у вас на Масене готовилась забастовка, я часто бывал там. Я пытался уговаривать наших ирландцев бросить это дело, потому что оно уже тогда казалось мне очень подозрительным. Но с голодными и замученными и озлобленными людьми трудно было столкнуться. И вот тогда-то я завел знакомство и с Гольтом. Мне казалось, что он главное лицо во всей этой истории. Мы с ним тогда много говорили, и он произвел на меня впечатление человека искреннего и убежденного.

Он, кажется, действительно верил, что пацифисты задушат войну железной хваткой. И я боюсь, что он разочаровался самым страшным образом во всем этом, когда узнал истину. А узнать ее он мог у следователя, когда уже сидел в тюрьме. Может быть, это и было причиной его самоубийства...

— Он имел тогда ужасный вид, — сболтнул Джек и сразу остановился, испугавшись излишней откровенности...

— Разве вы видели его тогда? Каким же образом?

— Так, случайно... — пробормотал Джек. — Я даже не вполне уверен, впрочем, что это был он...

— А может быть, он потому покончил с собой, что боялся случайно выдать своих товарищей. Упорно говорят, что допрашиваемых подвергают пыткам. Может быть, он верил этим слухам и побоялся за себя.

— А может быть, его убили в тюрьме? — промолвила Нора. — Почему непременно предполагать самоубийство?

Ирландец пожал плечами. Джек воскликнул с горячностью:

— Ах, нет! Он действительно сам покончил с собой...

У него так и вертелось на языке: «Я сам присутствовал при этом». Но сказать такую вещь было невысказано!

— Вы думаете?

— Я это наверно знаю!

— Ну, пусть будет так. Во всяком случае, я советовал бы вам, мистер Швинд, как можно скорее покончить с вашими пацифистами.

— Да мне ничего другого и не остается, — признался Джек. — Они, пожалуй, еще раньше того сами прогонят меня...

Помолчав, он прибавил:

— Я не могу понять вот чего: как же это так, при таких громадных средствах, они пользовались такой трусобой, как «Аранджи»? Если бы вы только знали, какой это вертеп!

О'Конолли промолвил:

— Ну, у них были и другие вертепы, пошикарнее... Для вас с Гольтом «Аранджи», а для господина посланника и

для господина Альберта «Палас-Отель» или «Астория»...
Уж будьте в этом уверены!

Этот разговор произвел на Джека необыкновенное впечатление. Он почувствовал себя словно озаренным свыше каким-то светом. И в этом свете вся его предыдущая деятельность показалась ему ничтожной и гадкой. А сам себе он казался несчастным простофилей, которого водили за нос господа посланники, Альберты, Якобсоны и прочие германцы. Война войне! Вот тебе и война войне! Скучно и обидно быть дураком, которого дергают за веревочку и говорят: «Ах, какое у вас благородное занятие, гражданин Швинд!»

Джек не имел ни малейшей охоты возвращаться домой, т. е. в квартиру Шольца. После сегодняшней выходки на пароходе Шольц казался ему совсем неподходящим сожителем. Джек решил переночевать в знакомой гостинице в порту, где его хорошо знали, а на следующий день отправить посыльного за своими вещами, остававшимися у Шольца. Тем более, что лично принадлежащих Джеку вещей было совсем немного.

Увы, спокойно переночевать нынче Джеку не удалось. Едва он занял в портовой гостинице номер и улегся спать, как к нему постучались. Это был хозяин гостиницы, старый матрос Нэд Ленд.

— Мистер Джек, одевайтесь и у逃айте! В соседней гостинице полиция. Сейчас придут к нам.

— Успокойтесь, дядя Нэд! — возразил Джек, только что укрывшийся одеялом. — У меня все в порядке!

— У逃айте, говорю вам! Вы славный парень, и мне не хотелось бы, чтобы вы попали на удочку. Дело в том, что ловят вашу братию! Германцев!

Джек понял и вскочил. Очевидно, шли аресты аранджистов и им подобных. Конечно, он был вне всякой опасности, потому что «Глориана» была с ним, но Джеку не хотелось подвергать старика-матроса неприятностям: если бы Джек «исчез» в момент появления полиции, то неизбежно начались бы вопросы, куда он девался, не помогал ли ему хозяин выскочить в окно, не спрятал ли его в подвале? Да

и вообще, Джек находил такие исчезновения в последний момент рискованными («Глориана» могла свалиться с шеи). Всего лучше было одеться и на глазах у всех уйти...

Он так и сделал.

Было около часа ночи. Но две трети Нью-Йорка не спало. Ночные бары и пивные были полны посетителей. Джек зашел в таверну и там в табачном дыму, под гвалт и гомон продремал за стаканом кофе до утра, никого не удивляя и не шокируя. Таких дремлющих фигур, как он, была здесь не одна. В Нью-Йорке много бездомных...

Утро вечера мудренее. Даже в том случае, если утро наступает после бессонной, мутной ночи. Выйдя поутру из кабачка, Джек сообразил, что, в сущности, ему ровно ничто не мешает пойти к Шольцу невидимкой. У Джека еще оставался в руках ключ от входной двери, ну, а там, в квартире, уже будет видно, что будет дальше. Все вещи тащить с собой не стоит, а нужно лишь отобрать только то, что имеет некоторую ценность: например, портрет Лиззи, любимую трубку и чемодан желтой кожи, очень любимый Джеком. И еще, пожалуй, что-нибудь из белья и платья. Остальное — грязные воротнички и манжеты, пару стоптанных ботинок и полфунта табаку — Джек решил великодушно оставить Шольцу в виде вознаграждения за утрату сожителя.

Хотя у Джека и был входной ключ, но осторожность никогда не мешает: подойдя к дверям квартиры, он остановился и стал прислушиваться к тому, что там делается. Если там совершенно тихо, то можно войти. «Глориана», разумеется, уже на своем месте.

Но нет! Нельзя сказать, чтобы там царила абсолютная тишина. Шольц, очевидно, был дома. Но, кроме него, был там и еще кто-то: Джек ясно слышал два или три различных голоса, совершенно ему незнакомых.

Джек продолжал стоять на своем посту. Входить или не входить? Голоса становились временами слышнее, и ему казалось, что он слышит и сердитый голос своего сожителя. Что у них там за перебранка?

Но вдруг голоса стали приближаться с резкой быстротой. Щелкнул ключ в дверях. Джек едва успел отскочить.

Двери широко раскрылись и показалось целое шествие:
Господин в цилиндре и сюртуке. Бритый. С портфелем.
Два полицейских. В форме.
Шольц с очень мрачной физиономией.
Неопределенная личность без особых примет.

Эта личность замыкала шествие. Когда все участники странной процессии вышли на площадку, личность заперла квартиру и наложила с помощью сургуча и веревочки и бензиновой зажигалки огромную и красивую печать. Прямо на двери.

Затем все пятеро спустились вниз и исчезли.

Джек почесал себе затылок... Попасть в квартиру было уже нельзя. Но он не очень унывал. Во всяком случае, он был свидетелем занятого зрелища. Ведь не всякий раз уведят перед вашим носом с такой помпой вашего приятеля, который только накануне грозил вас убить...

Ассоциация была разгромлена. О'Конолли сообщил Джеку, что по всей Америке началась серьезная борьба с пацифистами и что нужно теперь соблюдать крайнюю осторожность.

— Оставайтесь у нас, — предложил он. — И не думайте протестовать! Вы меня ничуть не стесняете, а вас здесь не тронут. Я для вас достал новый личный документ. Вы снова Джек, но не Швинд, а Мильтон! Это на всякий случай.

Он помолчал и прибавил:

— А через неделю мы с вами едем в Европу. Вы не имеете ничего против этого? Я убежден, что с вашими способностями и с вашим богатым темпераментом вы там найдете себе более подходящее занятие, чем взрывание пароходов. У вас боевая натура. А для таких натур сейчас в Старом Свете много дела... Пацифизм предоставьте таким идеалистам, как мистер Вильсон, который скоро объявит Германии войну. Вы смотрите на меня с удивлением? Да, я говорю о президенте Соединенных Штатов. Он убежденный пацифист и сторонник всеобщего мира. Пацифист идейный, — не то, что ваши взрыватели. И все-таки он кончит вой-

ной. Вот вы увидите!

И, глядя куда-то вдаль, ирландец проникновенным голосом прибавил:

— Войны прекратятся только тогда, когда прекратится власть одного человека над другим и власть одной расы над другой. А это будет только при социалистическом строе. Ну, а ради него не грех и побороться и повоевать. Ради него, а не ради железных и угольных королей и банкиров. И если бы вы объявили такую войну войне, я благословил бы вас за нее.

Роман «Массена» публикуется по первоизданию: Никольсен Б. Массена: Фантастический роман. М.-Л.: Земля и фабрика, 1927. В тексте исправлены очевидные опечатки и некоторые устаревшие обороты; орфография и пунктуация приближены к современным нормам. Все подстраничные примечания, означенные как «Прим. ред.», взяты из оригинального издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.